

18+

Данте Стрейсон

Цена желания

Данте Стрейсон

Цена желания

«Издательские решения»

Стрейсон Д.

Цена желания / Д. Стрейсон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500078-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Владеем ли мы сами своей судьбой? Ответ на этот вопрос попытается дать наш главный герой, рассказывая историю своей жизни таинственному мистеру Ди. Знакомьтесь, Энджел Коллинз — человек, который родился с уникальной способностью — исполнять желания людей. Проклятье это или дар? Нужен ли наш герой этому миру? А главное, сможет ли он после всех испытаний судьбы остаться самим собой?

ISBN 978-5-00-500078-1

© Стрейсон Д.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
Начало. Занавес открывается	7
История первая. Вечная дружба	9
История вторая. Богатый неудачник	21
История третья. Вечно молодой	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Цена желания

Данте Стрейсон

© Данте Стрейсон, 2020

ISBN 978-5-0050-0078-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Владеем ли мы сами своей судьбой? Ответ на этот вопрос попытается дать наш главный герой, рассказывая историю своей жизни таинственному мистеру Ди. Знакомьтесь, Энджел Коллинз – человек, который родился с уникальной способностью – исполнять желания людей. Проклятье это или дар? Нужен ли наш герой этому миру? А главное, сможет ли он после всех испытаний судьбы остаться самим собой?

Начало. Занавес открывается

«Плюх-плюх-плюх». Ещё раз. «Плюх-плюх-плюх». Камушек три раза ударился о воду и канул на дно. «Плюх-плюх-плюх». Почему только три? Почему даже это не получается, как сам задумал? Вся моя жизнь – это яркий пример отсутствия свободы воли. И это страшно раздражает. «Плюх-плюх-плюх». Как же хорошо им – простым людям, которые ничем не обременены и зависят только от бытовых нужд и физических желаний. Вот женщина снуёт туда-сюда в окне, занятая приготовлением вкусного ужина для мужа и детей. А там, на противоположном берегу реки, парочка влюблённых уединилась в машине, наивно думая, что их там никто не видит. А чуть дальше простой вор, который притаился в переулке, ожидая поспешно идущего «денежного мешочка». И совсем недалеко, буквально в сотне метров, два подростка забрались на чердак заброшенного дома в поисках приключений. Столько судеб умещается на столь малой площади одновременно. А сколько их на целом земном шаре?! Да, это жизнь! Такая, какая она есть! Все время меняется и подкидывает новые сюрпризы. И в глобальном плане все людские проблемы кажутся несущественными. Совершенно неважно, что муж изменяет своей жене с секретаршей на работе. И неважно, что озабоченный подросток, спрятавшись в кустах, снимает видео о парочке в машине. И неважно, что у будущей жертвы грабителя порок сердца. И неважно, что детей заметил полицейский, направляясь к ним с целью арестовать и вернуть родителям. И неважно, что у этих детей нет родителей. Это банальщина и рутина. стакан всегда наполовину полон или пуст? Вопрос хороший, но гораздо интереснее знать, кто его наполняет.

Мир полон разочарований. И уметь радоваться мелочам – самый настоящий подвиг в наше время! А вот плакать из-за небольших неурядиц, испытаний – это самый ужасный человеческий порок. И Вселенная очень жестоко за него наказывает. Вот и выходит, что люди делятся на два типа – одни восхищаются совершенно обыденными вещами: радуются рассвету, утреннему снегу, красивым цветам на аллее в парке... Другие воспринимают незначительные личные неприятности: поломка в машине, пробки на дорогах или низкая зарплата – как беды вселенского масштаба. И тем самым испытывают судьбу, навлекая на себя ещё больше несчастий...

Да, человеческая жизнь – это, воистину, величайший подарок Бога. И прожить её достойно – это самая трудная задача. Жить обычной жизнью, испытывать обычные чувства – это моя единственная мечта, которой никогда не суждено сбыться. Ведь именно свои желания я исполнить не могу.

Я не просил об этом даре. Он со мной с самого рождения. В первый раз это случилось, когда мне исполнилось семь лет. Папа, усталый и расстроенный, пришёл с работы. Мама была удивлена, так как отец отличался исключительно спокойным характером.

– Что случилось? – обеспокоенно поинтересовалась она.

– Эти ослы ничего не понимают и относятся к нам, как к скоту. Ты делаешь им деньги, которые всё равно никогда не увидишь, а они даже зарплату вовремя не платят. Всё у них денег нет, всё у них проблемы.

– Милый, мы же об этом говорили. Но ты сам сказал, что заявление не подпишут, пока ты не отработаешь до конца сезона.

– Да знаю! Но я не хочу больше туда ходить!

Были ещё слова, много. Тогда я не мог всего осознать. Только понял, что отец не хочет ходить на работу. И это случилось. На следующий день он попал в аварию, вследствие чего повредил позвоночник и больше никогда, до самой смерти, не мог ходить. Тогда я не винил себя, потому что не знал, как работает мой дар. Но второй случай полностью заставил меня убедиться в личной причастности к происходившему безумию.

В моей школе, как и во всех других, были обидчики. Трое мальчиков всегда издевались надо мной за то, что я был несколько скромнее и умнее их. Однажды, после уроков меня поймали и засунули в мусорное ведро. Тогда я обиженно крикнул: «Бог все видит и защитит меня». На что Джонни Рэд, главарь их банды, ответил: «О, малыш Коллинз верующий! Что же, если это действительно так, то пусть нас с неба поразит молнией! Нет, серьёзно, я хочу на это посмотреть». И у меня как-то само собой вырвалось: «Да будет так». В тот же час, с неба в то место ударила молния – две «шестёрки» Рэда погибли на месте. Джонни же отделался лёгким испугом, но до конца жизни находился в психиатрической клинике. Тогда это назвали несчастным случаем, а меня целый год, через каждые два дня, водили к психологу. Все вокруг боялись, что после этого я не смогу жить нормально. Другой бы обычный ребёнок на моем месте, наверное, так и замкнулся бы в себе, перестал разговаривать и сторонился бы людей. Но я много чего не понимал в свои семь лет с небольшим, однако даже тогда догадывался, что все эти «несчастные случаи» на самом деле не случайны. А ещё у меня не было внутренних терзаний по этому поводу. Хоть со мной и разговаривал школьный психолог, и родители всегда спрашивались о моем самочувствии, я действительно не понимал, почему все так беспокоятся обо мне – не меня же ударило молнией.

Но зато тот день стал отправной точкой изучения моей способности. Я отчётливо помнил тот голос в голове, когда Джонни Рэд пожелал молнии с неба. «Да будет так». Нужно было понять, как это все работает. Был декабрь, оставалось несколько дней до рождества. И где ещё можно было проверить мою гипотезу, как не на игровой площадке. Там, где много детей наперебой рассказывали друг другу, что они хотят получить на Рождество. Один кричит: «Я хочу получить железную дорогу!» Другой: «Мне бы побольше солдатиков из новой партии!» И тут я понял, что когда слышу слово «хочу» или «желаю», то в мыслях проносится одна и та же фраза: «Да будет так». И можно было посчитать все это глупостью и моей личной выдумкой, если бы все не получилось. Дети, чьи желания я услышал, действительно получили то, что хотели на Рождество. Причём их родители были в абсолютном непонимании того, откуда взялись вещи, которые они не приобретали. Однако, вскоре все об этом забыли, списав на нелепую случайность.

С этого самого момента я осознал и принял два факта: первый – у меня есть дар исполнять желания людей, причём неосознанно; второй – это я виноват в том, что мой отец инвалид. Но, как ни странно, почему-то не было тяжело от этой мысли. Нет, я плакал, но это больше походило на слезы ребёнка, у которого на землю упало мороженое. Но не более. Самое страшное, что я принял это, как должное. И, естественно, подобное спокойное поведение удивляло всех вокруг, а особенно, моего психолога, миссис Фрейм, чьё восприятие мира было ограничено исключительно знаниями о психологии.

После всех этих инцидентов у меня была единственная цель – понять, можно ли управлять скрытой во мне силой, как в комиксах. И здесь начинается первая моя история.

История первая. Вечная дружба

Дружба и любовь, несомненно, имеют сходные черты. О любви даже можно сказать, что она есть безумство дружбы.
Сенека Луций Анней

Её звали Фэйт.

В маленьком американском городке, откуда я родом, все друг друга знали, уважали и были приветливы. Это было просто райское место для людей, уставших от будней суеты больших городов. Здесь были те же самые радости: гипермаркет, кинотеатр, клуб, фитнес-центр и т. д., только одно отличие – мало людей. А как говорится, чем меньше людей, тем воздух чище.

Но шутки шутками, а дышать там действительно было очень легко. Точно не знаю, правда это или нет, но наш город тогда считался самым чистым в Америке. Многие даже шутили, что наш воздух нужно продавать в баночках туристам.

Мне как раз недавно исполнилось десять лет. И, взяв машинку на пульте управления, я помчался испытать ее в полевых условиях. Как раз через несколько кварталов был подходящий испытательный полигон – заброшенная строительная площадка. Одна семья из Ирландии хотела построить здесь дом и заселиться сюда. Но как-то не сложилось. Приезжала полиция, родителей арестовали, а детей забрали представительные взрослые. Но тогда это было для меня абсолютно неважно, и этот недостроенный дом служил лишь воплощением моих гениальных и «глобальных» идей. Итак, была выбрана первая трасса – лежащий по диагонали желоб. Ну вот, первое испытание – горка. Я поставил машинку у верхнего конца желоба. Итак, все готово – один, два, три...

– Дай мне машинку.

Мой палец застыл на полпути к кнопке. Это было... очень дерзко. Но удивила больше не дерзость этого, хоть и приглушенного, но звучного голоса, а, скорее, глубина и полное, какое-то хладнокровное спокойствие. От этого мне тут же стало не по себе и я поднял глаза, чтобы увидеть источник моего страха. Им оказался мальчик моего возраста в синих штанах, красной куртке. А голос его звучал приглушенно, потому что шерстяной шарф закрывал нижнюю часть лица.

– Меня зовут Фэйт. Дай мне машинку.

«Фэйт – женское имя, мою бабушку звали так. Значит, я ошибся и это девочка», – подумал я и мысленно восхитился своей блестящей дедукции, достойной того сыщика, сериал про которого я часто смотрел по телевизору. И ляпнул:

– А, так ты девочка!, – и тут же пожалел об этом.

– А что, я на мальчика похожа, что ли? – скривила лицо, собираясь заплакать, девочка – Я не хочу быть похожей на мальчика, мальчишки – глупые бегемоты.

Ну вот, она обиделась... Надо было срочно спасать ситуацию.

– Я не говорил, что ты похожа на мальчика. За шарфом плохо видно лицо. Да и одета ты не в розовое (тогда я думал, что девочки непременно должны носить розовые вещи).

– Ну, мне не нравится розовый цвет. В книжке видела картинку розового бегемота, а я их терпеть не могу.

– Да я уже понял это из твоей дразнилки про мальчишек! – улыбнулся я.

– Это не дразнилка, это факт! – нахмурилась Фэйт.

– Ну, как скажешь! Ты давно переехала?

– С чего ты так решил? – удивилась она, вскинув бровь.

– Ну, я всех знаю в нашем городе, тебя ни разу на улице не видел! Где ты живешь?

– Вон там, – показала Фэйт на ближайший дом. – Я в первый раз вышла погулять так далеко, до этого меня родители дальше двора не отпускали.

– Нет, ты не там живешь. Это дом Кристенсонов, они набожные зануды и их детей я знаю.

– Да нет же, вон там, за этим домом.

И действительно там был дом, в котором жила семья довольно закрытых и скромных людей. И я вспомнил, как родители на кухне разговаривали об этом. Папа, кажется, назвал их странными. «А это, видимо, их дочь» – и снова блестящая дедуктивная конструкция. И тогда я сказал, как раньше это делал папа, когда к нему приходили какие-то важные люди в черных костюмах:

– Ну, приятно познакомиться, Фэйт! Меня зовут... – и тут я осекся.

Надо сказать, что я терпеть ненавижу мое имя, потому что оно было просто величайшим источником всевозможных шуток и дразнилок для остальных детей. Поэтому я решил, что оно мне вообще не нужно. Могу быть кем захочу и в какой угодно ситуации.

– Меня зовут... – так, подумаем, как же назваться... Вот, придумал. – Меня зовут Вуди!

«Ну конечно, Вуди Вудпеккер – это мой любимый герой мультсериала. Он очень умный, хитрый и находчивый, прямо как я!»

– Ну, судя по тому, что ты так долго думал, это не твое имя!

«Чтооо?! Она тоже сыщик? Да, такого я не ожидал. Настоящая битва умов. Ответим достойно.»

– Просто я немного растерялся от того, что ты так настойчиво попросила отдать тебе машинку.

«Блестящая победа. Ей нечем ответить на столь стремительный выпад».

– Но ведь до этого ты говорил нормально. Значит, ты врешь!

«Оглушительное поражение».

– Так как же твое имя? – с улыбкой спросила она.

– Мое имя... Никто.

– Нет такого имени.

– А мне все равно!

– Ну скажи, пожалуйста! Я же свое сказала!

«С фактами, конечно, не поспоришь. Но для мужчины хуже нет, когда над ним смеется девочка!»

– Все равно не скажу! И не проси!

– Ах так?! Если не скажешь, тогда я обижусь и больше никогда не буду с тобой разговаривать.

«Нет. Она мне никто. Но я уже слышал эту фразу. Мама так папе говорила, когда ей что-нибудь от него было нужно. И папа боялся этого. И мне тоже стало тогда страшно, хоть до конца и не осознавал, почему.»

– Нет! Нет, не надо! – чуть было не выкрикнул я. – Просто? над мои именем все издеваются. И я не хочу, чтобы и ты смеялась над ним.

– Что ты, я так никогда не поступлю. Над такими вещами не смеются. Ну разве только мальчишки, а женщины – выше этого.

«Она явно позаимствовала эту фразочку из маминой речи.»

– Вот над моим именем тоже смеются. Ведь «fate» имеет значение веры. Вот и дразнятся: «Эй Фэйт, кто-нибудь в тебя уже поверил?». Хоть мои обидчики тут же и жалеют об этом, но меня это страшно бесит.

– Ты дерешься, что ли?

– Еще как! – Фэйт встала в гордую позу, выпятив грудь вперед. – Я известная воительница! Как Зена!

– Но ты же девочка. Девочки не должны драться!

- Кто это тебе сказал? Хотя мне все равно.
- Ну ладно...
- Так скажешь ты свое имя или нет?
- Что же, деваться все равно некуда. Я Энджел. – едва слышно произнес я.
- Опять выдумываешь? Или тебя действительно зовут Энджел?
- Да, а что...

И тут она рассмеялась. Ну вот, опять – сейчас начнется. «Энджел, когда тебе отчитываться перед Богом?» «Энджел, сколько душ сегодня вошли в Рай?» или «Энджел, или скажешь где находится Рай, или мы тебя макнем головой в унитаз и с мокрой головой ты не взлетишь» И все в этом духе. И зачем я сказал. Дурак. Пойду лучше домой.

Но тут Фэйт с улыбкой пояснила:

– Прости. Не обижайся, пожалуйста! Я не над именем смеюсь! Но твое имя... Просто я очень люблю, когда мама рассказывает о Боге. Она мне перед сном часто читает разные истории из книги про него. И я много знаю об ангелах. Это такие чудесные создания! Всегда хотела увидеть ангела с белоснежными крыльями, как в той книжке. И вот, сегодня меня в первый раз выпустили погулять дальше дома, а я шла и думала: «Вот бы мне увидеть ангела!» И вот встретила тебя.

И тут я тоже рассмеялся.

– И что, я похож на ангела?

– Немножко... Крыльев у тебя нет, – она показала подобие разочарования на лице. – Но зато ты добрый. Я это чувствую.

– Как скажешь.

Мне почему-то стало очень неловко.

– А.. Можно звать тебя Энджи?. – спросила, покраснев, она.

Так меня называли всегда только родители и близкие друзья. Но почему-то я чувствовал тогда в Фэйт родственную душу.

– Конечно! Мне нравится! Ну что же, ты хотела поиграть с машинкой. Давай!

С этого момента началась дружба, подобно которой, как я тогда думал, мир еще не знал. Фэйт была просто девчачьей копией меня самого: такая же умная личность, пытающаяся строить из себя взрослую, говорящая заумными словами, которых понахваталась от взрослых, любящая детективные истории. Мы проводили все время вместе: играли, общались. Вместе росли. Вместе ходили в школу. Помогали друг другу все время в учебе и в жизни. И хоть и у нее, и у меня были и свои друзья, но доверяли мы только друг другу. Даже звали друг друга «братанами на века».

Моим родителям Фэйт тоже сразу понравилась. Довольно быстро наши семьи подружились между собой. Ее отец с матерью были очень доброжелательными и совсем не странными людьми. Они вроде и скромные были, но в то же время любили повеселиться и пошутить. А самое главное – они никак не показывали того, что мой папа – инвалид. Не старались ему сочувствовать и напоминать все время о его недуге, а наоборот, обращались с ним, как будто он вполне нормальный человек без каких-либо физических изъянов. И, возможно, моя дружба с Фэйт и знакомство с ее родителями хоть как-то смягчили мою нечаянную вину перед недугом отца. Потому что в первый раз с того инцидента он выглядел по-настоящему счастливым. Помню, как папа предвкушал каждую новую встречу с Мистером Дейном – отцом Фэйт, беспокоился, когда он задерживался. Он не показывал этого явно, но достаточно было просто понаблюдать за ним, и было видно, как его глаза то и дело посматривали на висящие на стене часы. А когда отец Фэйт все же приходил, он вскидывал руки и говорил:

– Наконец-то, Дейв! Я уж думал, случилось чего.

А затем они сидели на кухне, долго и много разговаривали на разные взрослые (в основном, политические) темы.

Тем временем, нам с Фэйт уже шел пятнадцатый год. Это пора переходного возраста и подростковых ошибок. Одну такую ошибку довелось совершить и мне. Дело в том, что мы уже шесть лет дружили, а я так и не решился рассказать о своем даре. Кстати, за все эти шесть лет эта способность ни разу не была использована. И это было очень удивительно и хорошо, потому что не было никаких ошибок, не было искалеченных жизней, случайно разрушенных невинным желанием. И я боялся все это время сказать ей. Боялся, что она мне не поверит, посчитает меня сумасшедшим и вообще перестанет со мной общаться. Но именно тогда, летом, когда мы с ней прогуливались по берегу этой самой реки, я и решился все ей открыть. Начал издалека:

– Слушай, Фэйт, мы ведь давно уже с тобой дружим, и я все хотел сказать...

– О, ты мне тоже нравишься!

Я потерял дар речи, ведь хотел сказать совсем не это. Но она быстро нашлась, что сказать при столь неловкой паузе.

– Но как друг. В смысле, если все мальчики бегемоты, то ты очень даже милый бегемотик.

– Фэйт...

– Что?

– Больше никогда меня так не называй. Это странно.

– Ладно, ладно. Будешь гиппопотамом! – засмеялась она.

И после этого я забыл, что хотел ей все рассказать. Потому что снова забылся, как и всегда, когда мы рядом. Я просто люблюсь ее улыбкой, слушаю о том, как прошел день и в который раз наслаждаюсь ей, сидящей напротив меня и, как обычно, теребившей прядь своих волос, которые отливали золотом. И вот уже пролетело два часа, пришло время возвращаться домой, и я выпалил совершенно неожиданно:

– Я исполняю желания!

Фэйт не растерялась.

– А, так ты решил со мной пофлиртовать. Но мое ты уже исполнил, Энджи. Ты появился в моей жизни.

– Нет, то есть да. То есть... Я на полном серьезе! У меня какая-то способность... Сам не знаю как, но это не зависит от меня. Это просто происходит и все...

– Хм... – задумалась Фэйт и немного нахмурилась, что значило начало построения дедуктивной цепочки.

– Что?

– А есть ли еще какие-то способности? Ну там, паутина из рук?

– Нет!

– Может, когти и регенерация?

– Да нет же...

– И даже не светишься в темноте, не летаешь по ночам и не спасаешь город? – с улыбкой спросила она.

«Да она издевается просто!» – обиженно подумал я.

– Нет, Фэйт. Скорее, наоборот – я не спасаю, а только разрушаю. Мой дар – это зло в чистом виде.

Меня внутренне вывернуло наизнанку – это так банально прозвучало...

И вот, я рассказал ей об отце, о расправе над обидчиками и о подарках на Рождество. В течение всей истории ее лицо принимало выражение грусти, ужаса, печали, радости и, под конец, совершенного спокойствия.

– Ну как? Перестанешь со мной общаться теперь? Боишься меня? – с опаской спросил я.

– Нет. С чего бы это? К тому же, судя по твоей истории, далеко не всегда твой дар причиняет вред.

– Почему это?

– Но ведь с детьми, которые получили на Рождество то, что хотели, ничего не случилось, так ведь? Все живы-здоровы?

– Ну да... Только...

– Что?

– Подарки некоторых были весьма странными...

– То есть?

– Ну, например, кто-то хотел просто машинку, железную дорогу или куклу. Но Грэг Диллон пожелал Чубакку на Рождество.

– Надеюсь, не живого?

Я тяжело вздохнул.

– Энджи?

– Что? Я же говорил, что у меня весьма странный дар. Семье того парня пришлось убеждать, что это приехал его родственник и развлекает его. Представляешь, каково им было? Чудом им тогда удалось сохранить это в секрете, пока отец Грэга не отвез это существо в лес. Неужели ты об этом не слышала?

– Слышала... Но не думала... Постой, то есть легенда о снежном человеке, это...?

– Да, настоящий Чубакка ходил в течение двух лет с тем мальчиком, Грэгом. А потом кто-то видел существо, похожее на снежного человека...

– О, Боже! – сказала Фэйт, и сразу закрыла рот рукой. – А я думала...

– Да. – снова вздохнул я.

– Хотя я больше не понимаю его семью. Пошли бы на телевидение, снялись в шоу и заработали бы. Но, видимо, у них были причины этого не делать. И вот опять же, смотри, никто ведь в результате не умер, правда?

– Да вроде нет.. Но Грэг какое-то время посещал психолога.

«Хотя это несмертельно и правда, ничего особо плохого не произошло. Может, все не так страшно?»

Ну, как бы то не было, и комиксы нас учат, что любой способностью можно научиться управлять! Фэйт вселила в меня надежду, хоть и слабую.

– Наверное, ты права! Возможно, я просто себя накручиваю.

– Конечно, права! Я же женщина!

– Ну, вообще-то девушка! – с улыбкой подметил я. – Женщиной ты станешь... потом.

– Ну и что? Ты сомневаешься в моем авторитете?

– Нет...

– Ну тогда, не будь занудой! – улыбнулась она. – Так вот, слушай, что я придумала. Узнав твою историю, я заключила следующее...

Мы до сих пор по очереди пародировали того детектива из сериала. Итак, пошла дедуктивная цепочка. Меж тем, Фэйт продолжала:

– Судя по твоей истории, люди, на которых отразился твой дар: твой отец, дети с подарками, или те придурки, которые над тобой издевались – все они просто неправильно загадали желание. Я так понимаю, когда желание загадывается необдуманно и сгоряча, то некая сила внутри тебя высвобождается и сразу идет по самому простому пути. В случае с детьми проблем вот особых не было. А вот, например, твой папа пожелал никогда не ходить на работу, и это было исполнено, но самым простым и трагичным способом. Он не стал вечным богачом, у него не стали появляться деньги под подушкой. Здесь ключевым словом стало «ходить». А раз не хочешь ходить, то не ходи вообще. Ну а те парни... они просто испытывали судьбу. И сила внутри тебя распознала издевательство как желание. Из этого следует, что твой дар привязан к слову «хочу», ну или близкому к нему по значению. Вот дети на площадке просто говорили о предметах, которые они хотели получить на Рождество. Они их получили и ничего страшного не случилось. Ну, почти.

– Ну да.

– Из этого можно сделать вывод, что если правильно загадывать желание, то оно сбудется в точности, как этого хочет человек. Это раз.

– Возможно, ты и права...

– А два, – перебила Фэйт. – Это то, что, судя по всему, чем сложнее или корыстнее, тем большее может ударить того, кто этого пожелал.

Я начал сомневаться в безысходности моего положения. Все доводы Фэйт звучали ясно и логично, не было никакого подвоха. Но тут...

– И чтобы доказать тебе это, я сама загадаю желание!

Я не успел и слова вымолвить.

– Я хочу дружить с тобой вечно!

«Да будет так».

Я не успел остановить ее. Одержимый досадой и злостью, я схватил ее за плечи и стал трясти.

– Как ты могла так поступить?! Ты же самое дорогое, что есть у меня в жизни!

В ее глазах читался испуг.

– Энджи, отпусти меня. Что ты так кричишь? Господи, что с тобой?

Я осознал тогда, что в первый раз за все время нашей крепкой дружбы так сильно разозлился на Фэйт.

– Так завелся, как-будто что-то страшное произошло. Я просто хотела доказать, что в твоей силе нет ничего страшного. Ну что может быть не так в желании вечно дружить?

– Не знаю! Я просто... Боюсь потерять тебя и нашу дружбу.

– Да все нормально! Видишь, я цела, молния меня не поразила. И чувствую я себя прекрасно.

– Надеюсь, – я начал успокаиваться. – Твое желание уже исполнено, судя по всему.

– Ну вот, видишь, теперь ты от меня никуда не денешься! Мы будем вечно дружить и никогда не рассоримся!

– Хорошо, если так. Просто... Все это время, что мы дружим, мой дар ни разу не просыпался. Не было случая. И я надеялся, что...

– Ну вот, теперь представился, – Широко улыбнувшись, бесцеремонно перебила Фэйт. – Давай просто оставим беспокойства и будем дружить дальше.

Я кивнул. Но мне почему-то стало и спокойно на душе, и в то же время не покидало слабое ощущение какой-то тревоги. Однако из раздумий меня вытянул болезненный тычок локтя в бок.

– Э-эй, ты там уснул, что ли?

– Не-не, все в порядке.

– Ты хоть слушал, о чем я говорила?

«Конечно же, нет».

– Да, конечно...

– Вот чего-чего, а врать ты никогда не умел. У тебя сразу такое глупое выражение лица становится, что аж смешно. Ну да ладно, я вообще-то говорила, что по скольку мы разобрались с твоей способностью, пришло время поговорить и о тебе! – поучительным тоном местной учительницы отчитала Фэйт.

– А что со мной не так?

– Ну, что бы ты не говорил, но у тебя есть способность! Она, конечно, стремная и небогая, но ты, как ни крути, можешь стать настоящим супергероем. А любому герою нужен специальный костюм!

– Хм... Надеюсь, не розового бегемота?

– Нет – рассмеялась Фэйт, – Конечно, нет. Тебе предстоит исполнить много желаний. Только представь возможности. Ты ведь можешь помогать людям! Да и зарабатывать можешь, если будешь иметь дело с состоятельными людьми или теми, кто пожелает стать богатым. А богачи – люди солидные и роскошные. Они обычно красивые снаружи, но пустые внутри. Так что ценят, прежде всего, внешний вид и стиль.

– И?

– Что «и»? – изумленно вскинула бровь Фэйт. – Вот представь, придут к тебе совершать сделку, ожидая увидеть солидного красавчика-«дьявола», исполняющего желания. И видят вместо него тебя, похожего на бомжа в черном застиранном балахоне и порванных на ноге джинсах.

– Ну уж извините, мы не по балам и званым вечерам ходим. – дразнящим тоном сказал я, делая высокомерное лицо. – Нормальная рабочая одежда, чтобы на велосипеде гонять по улицам.

Моя самооценка была теперь ниже плинтуса. А Фэйт, не дождавшись ответа, продолжила.

– Вы, конечно, не на балах, мистер Коллинз. Но и выглядеть должны подобающе. Вот, как я это вижу. Черный костюм и солидный черный галстук в фиолетовую полосочку. – Фэйт жестами в воздухе обрисовала силуэт будущего меня. – А на галстук я могушить тебе символ, который полностью отражает твое кредо.

– Что?

– Твои жизненные установки!

– А, понятно... Мое кредо: исполню любое желание, но за последствия не отвечаю. Пользоваться на свой страх и риск того, что ваша жизнь пойдет по звезде. Ну что же, с этим разобрались. Вроде все нормально теперь. Осталось только заработать на роскошный костюм за оставшееся лето! – заключил я.

– Ну, или ты можешь вечно просидеть дома в ауре собственного пессимизма и умереть в одиночестве, съеденный собственными кошками.

И тут мы оба рассмеялись. Для меня все это тогда казалось глупостью. И я даже не думал, что Фэйт, сама того не подозревая, сформировала мой стиль на всю жизнь.

Итак, лето прошло. Все это время я усердно работал то здесь, то там. В итоге накопил достаточно денег, чтобы достаточно помочь родителям. Отец был очень горд мной и сказал: «Не зря ведь растили! Все-таки вышел с тебя толк!». Но и костюм я себе купил. Ведь близилась выпускной и нужно было выглядеть соответствующим образом. И Фэйт-таки выбрала мне галстук в фиолетовую полосочку.

А после работы обычно мы с Фэйт гуляли, разговаривали, веселились. Она все хотела посмотреть мою способность в деле, но случая никак не предоставлялось. Смешно звучит, но никто ничего случайно не хотел.

А потом снова началась школа, но когда начался второй семестр, мой отец серьезно заболел. Наши местные врачи не могли поставить точный диагноз и посоветовали ехать в большой город для подробного медицинского обследования. Мать с отцом уехали, а на мне остались все заботы по дому большая ответственность. Гулять с Фэйт, как раньше, я уже не мог. Она часто заходила и мы много болтали о том, о сем. Ее помощь в некоторых хозяйских делах была просто незаменима, так как я был тем еще лентяем и раздолбаем по этой части. И вот близилось время итоговых экзаменов. Мы с Фэйт не виделись уже две недели из-за того, что она с головой ушла в подготовку к экзаменам. Это было очень важно для нее, ведь от этих экзаменов зависело поступление в колледж и дальнейшая успешная карьера. Я же не очень серьезно относился к экзаменам, хоть и тоже старался готовиться. Однако, мы не виделись уже две недели, и это страшно огорчало и раздражало меня. Уже тогда я понял, кем для меня является Фэйт

и твердо решил позвать её на свидание. И вот, когда в самом разгаре была пора моей юности и разбушевавшихся гормонов, я абсолютно точно решил признаться во всем ей лицом к лицу.

Мою задачу облегчил приезд отца и матери. Они прибыли с хорошими новостями – оказалось, что у отца не было ничего серьезного, просто легкая сердечная недостаточность. Врачи прописали курс терапии, чему отец был не очень рад. Но зато теперь я мог не беспокоиться о нем и полностью посвятить себя задуманному. В тот день я шел в школу уверенным и собранным. Сотни раз прокручивал, как отведу Фэйт в укромный уголок, признаюсь во всем. Я представлял ее возможную реакцию – может, пошлет меня или расцелует на радостях и поклянется в вечной любви. Тогда я был в состоянии эйфории, но сейчас понимаю, что одна воображаемая картинка была глупее другой. И вот, в тот день я открыл массивную дверь школы и увидел Её и какого-то парня с ней. Кажется, он был с другой параллели. Они разговаривали и смеялись. Она говорила, а он смотрел на нее с восхищением. Он говорил, а она мечтательно смотрела на него. А самое главное, Фэйт заметила меня, но даже не помахала рукой, или, как обычно, не окликнула и не стала с ходу рассказывать, что же с ней сегодня произошло. Вообще, казалось, не заметила моего присутствия. В общем, я тогда сильно расстроился и, опустив голову, побрел на уроки. Больше я с ней не общался, да и в школе она на занятиях не появлялась. Много раз звонил ей домой и приходил, но ее все время не было дома – то она в библиотеке, то гуляет с подружками, то еще что-нибудь. А я ночами не спал и все думал: «Где она сейчас? Может, меня обманывают, и Фэйт с тем парнем? Что они делают?». Через несколько дней я решил забыться и перестать вообще думать обо всем, что с ней связано. Стал тоже усиленно готовиться к тестам и с головой ушел в учебу. До определенного момента.

– Сынок, ты что не слышишь? Телефон звонил. – мама возвысилась надо мной, сидящим в наушниках и усердно штудирующим конспекты.

– Кто?

– Фэйт твоя, кто же еще! – с ехидной улыбкой сказала мама.

И прежде, чем я успел что-то возразить, сунула мне в руки трубку и ушла, одарив меня ехидной улыбкой. Итак, я застыл в нерешительной позе: с одной стороны я обижен и разговаривать не хочу, а с другой стороны нужно хотя бы объяснить, что все в порядке, а то выглядеть будет странно. Дали телефон, а ты сбросил. И потом, это же Фэйт, мой «бро на века».

– Алло.

– Энджи, привет! Как же я рада тебя слышать! Как дела? Мы так давно не общались! Как будто сто лет прошло. Что ты делаешь? Как ты...

У Фэйт был такой беззаботный звонкий голос. Она как всегда тараторила в трубку, задавала кучу вопросов, что создавалось ощущение, как-будто и не было этих долгих недель молчания и разлуки. Из раздумий меня вытянуло то, что в трубке, наконец, повисло молчание. Я понял, что надо что-то сказать, но не знал что и как.

– Привет... Слушай, я... – нерешительно выдавил я из себя.

– Знаешь, я позвонила тебе, чтобы сообщить просто офигенную новость! – не дожидаясь, пока я закончу, продолжила Фэйт. – Ты готов это услышать? Тогда подходи на наше место через 1,2,3... сейчас!

И, прежде чем я что-то ответил, положила трубку. «Всегда она так!» Ну что же, все равно надо встретиться и при встрече выразить всю обиду. Тяжело вздохнув, я нехотя оделся и отправился к «нашему» месту. Этим местом была спортивная площадка, где когда-то был тот самый недостроенный дом, где мы с ней познакомились. Я шел. На небе, будто лампочка, ярко светила луна. И вокруг все казалось таким красивым под покрывалом той чудесной ночи. И стало как-то тепло и приятно на душе. Ругаться совсем не хотелось.

Фэйт уже сидела и качалась на большой широкой качеле-скамье. Лунный свет делал ее черты столь соблазнительными и прекрасными... «Стоп, не забывайся! Она тебя игнорила все это время» – мысленно одернув себя, я поздоровался.

– Привет, Фэйт!

– Привет, Энджи! – Фэйт соскочила с качели и кинулась в мои объятия. – Как же давно я тебя не видела. Все учеба да учеба. У меня такое чувство, что я провалю экзамен.

– Все будет хорошо! – попытался подбодрить ее я. – Ты все сдашь! Ты же столько занималась!

– Ты так говоришь, чтобы меня подбодрить! Ты всегда так делаешь! – заметила она и попыталась сделать подобие обиды – Но я позвала тебя не для этого. У меня просто грандиозная новость!!!

– Какая?

– Готов?! – Фэйт, казалось, сейчас просто воспарит над землей от переполнявшего ее возбуждения. – Помнишь того парня, который выступал у нас в школе с группой? Его Алан зовут. Помнишь? Помнишь?

– Ну...

Честно, я не помнил, потому что мне всегда было все равно.

– Так вот, мы недавно, пару недель назад, совершенно случайно встретились в школе. И знаешь что? Он, оказывается, тоже здесь учился, год назад закончил. И он сказал, что я ему нравлюсь и пригласил пойти с ним на мой выпускной вечер!!!

Я был в растерянности. Как же так? Это должен был быть НАШ выпускной вечер! Это я должен был позвать ее! Это я должен танцевать с ней вальс! Я должен признаться ей! Гнев к Алану переполнял меня. Но я ничего не сказал на это. Я сделал...

Минуту она смотрела на меня большими глазами, то ли от страха, то ли от изумления.

– Ты... Ты... Ты... Зачем ты это сделал? Это же неправильно!

Э-энджи...

– Но...

– Ты не должен был! Мой первый поцелуй... – Фэйт казалась такой разбитой. – Мы же просто друзья!

– Но я должен был это сделать! Ты для меня не просто друг! Я давно уже влюблен в тебя! И хочу стать больше, чем просто другом. Я хочу лю...

– Замолчи! Ты ничего не понимаешь! – слеза покатила по ее щеке. – Мы же друзья! Только друзья! Друзья!

– Но...

– Ты не можешь быть моим парнем! Это неестественно, неправильно...

«Почему?» – хотел было спросить я. Но этого уже не требовалось. Я все понял. Она пожелала вечно дружить со мной. Вот же долбаная способность! Все исполнилось в точности, как и всегда – буквально. Дружить – она будет просто другом всю жизнь и никем большим. Ее внутри как-будто что-то ограничивает теперь, чтобы испытать ко мне большие чувства.

– Прости, Фэй... Я пойду... Наверное... Послезавтра тест, мне следует готовиться. Увидимся... наверное. Удачи. – промямлил я.

И, не дожидаясь ответа, побрел домой, не обращая внимания на то, как Фэйт нерешительно пыталась меня окликнуть. Придя домой, я не стал ничего учить – не было настроения. Я повалился на кровать и стал смотреть в одну точку. На галстук, висящий на стуле, на который Фэйт нашла придуманный нами символ моего дара. Проклятого дара.

На следующий день я старательно учил предметы. Попросил маму на любые звонки отвечать, что я занят или отсутствую. Потом прошли экзамены. Всех разделили по группам, и мы с Фэйт так и не виделись. Уже уходя, я увидел ее с Аланом. Они стояли, обнимая друг друга. Я не стал с ней разговаривать, хоть внутренне этого и хотел.

Через два дня был выпускной вечер. Несмотря ни на какие уговоры моих родителей, я наотрез отказался идти. Вместо этого я всю ночь просидел за компьютерными играми, которые просто убили все время.

Проснулся я в четверть десятого, там же, где и уснул – за столом возле компа. За окном было пасмурно и гадко. Голова жутко трещала от того, что лег поздно. Немного побыв в полной растерянности, как и любой человек, который уснул черт знает где, я медленно побрел умываться. Пока чистил зубы, вспомнил, что вчера прошел выпускной. Фэйт наверняка пошла туда с тем парнем... Мысленно раскаявшись в своем недавнем поведении, я твердо решил пойти и извиниться перед ней. Ведь так не хотелось терять единственного друга.

Накинув футболку и джинсы, я бодро пошел к Фэйт, по пути заметив, что родителей дома нет. И не только это было странно. Еще тогда я был готов поклясться, что при выходе из дома заметил чей-то силуэт недалеко. Но приглядевшись понял, что это парил гидрант. Приблизившись к дому Фэйт, я почувствовал что что-то не так. Дом как-будто немного пришел в запустение. Стал темнее и мрачнее. Я подошел и позвонил в дверь. Никто не ответил. Еще раз – та же реакция. «Сегодня воскресенье, и с церкви они уже должны были прийти» – пронеслось у меня в голове. В недоумении, заглянул в гараж. Он был открыт, машины не было. «Странно... Может, к родственникам уехали – они живут недалеко, в соседнем городке». И смирившись с этой мыслью, решил заглянуть завтра.

Но меня все не покидало ощущение, что что-то не так. Было чувство, что рядом со мной кто-то есть. Подходя к дому, меня толкнула Дурнушка Грейс – так местные прозвали сумасшедшую старуху, которая каждый день ходила и бурчала себе под нос всякие ругательства. Грейс мерзким голосом крикнула: «Что ты сделал, мальчик? Зачем мучаешь ее?» В недоумении я, слегка раздраженный, дошел до дома. «Ненормальная!». У дома стояла машина родителей Фэйт. «Странно..», – подумал я, – «Обычно они к нам пешком приходят...»

Когда открыл дверь, моему взору предстала следующая картина: родители Фэйт сидели на диване в гостиной – миссис Дейн была заплаканная, и мистера Дейна я таким несчастным никогда еще не видел. Мои родители сидели здесь же, на их лицах читалась скорбь. И в этот момент я понял, что случилось что-то очень-очень плохое...

– Здравствуйте мистер и миссис Дейн! А... что произошло? Я нигде не могу найти Фэйт...

Я не помню в точности, что случилось. Но внутренне, еще до объяснений, я уже все понял. Помню какие-то обрывки: «Выпускной... лимузин... авария... никто не выжил... похороны на следующей неделе...» Не помню слова ободрения, которые пытался выдать из себя отец Фэйт. Не помню как несли сквозь улицы пустого, ненавистного теперь мне города, разбирая дороги из-за застилавших глаза слез...

Я опомнился, только когда пересек границу города. Когда оказался наедине с мрачным лесом неподалеку и темным полем. Наедине с небом, которое, казалось, плакало вместе со мной. И тут...

– Энджи...

Такое чувство, что... Нет, показалось. Но потом снова.

– Энджи... Не плачь! Ты ведь мужчина!

Это голос Фэйт! Но как? Где?! Я резко оглянулся. Сначала я видел лишь неясные очертания, как-будто слабая туманная дымка, но потом черты становились все яснее и яснее. Вскоре передо мной предстала Фэйт. Моя Фэйт, такая же, как раньше, но какая-то неестественная, бледная, безжизненная и прозрачная

– Фэйт, как ты... – и осекся.

Потому что понял, что передо мной не она сама, а ее призрак, отражение в мире мертвых. До этого я не верил во всю эту паранормальную дребедень, но теперь... При осознании этого мои ноги подкосились, и я упал на колени на сырую землю. Наверняка, обычный человек, бы испугался, но только не я. Я, скорее, был в полной растерянности, а в голове роилось тысяча вопросов.

– Энджи, мне так жаль, так жаль... Я ведь... обидела тебя. – голос Фэйт был другим, с небольшим эхом. – Обидела твои чувства ко мне. Теперь я осознала. Я поняла... Я все поняла... Прости меня!

Я решил, что просто сошел с ума. «А может, я еще сплю у компа?». Ущипнув себя за руку и испытав боль, я понял, что нет. Я не знал, что говорить в и=таких ситуациях, рот сам открылся и стал говорить какие-то слова.

– Нет. Это мне жаль! Жаль, что я оставил тебя в столь радостную для тебя минуту. Жаль, что не разделил твоего счастья, пусть даже не со мной! Тебе не за что просить у меня прощения, Фэйт. Мне так жаль.

Слезы катились из глаз, которым никак не мог поверить. Я пребывал в шоке, но понимал, что самый дорогой мне человек пришел проститься, прежде чем уйти навсегда.

– Конечно, прощаю! – призрак Фэйт улыбнулся. – Ну что же, я думаю, это все! Придется тебе теперь без меня геройствовать. Помни, твой дар еще проявит себя в лучшей форме. Ладно, прощай, Энджи! Может, я стану ангелом. И буду смотреть на тебя с небес.

– Прощай, Фэйт! Для меня это были самые счастливые минуты, что я провел вместе с тобой! Я люблю тебя! Прощай!

И тогда, по всем канонам, Фэйт должна была исчезнуть, освободившись от последнего невыполненного дела. Но... она не исчезала.

– Фэйт!

– Что?

Я уже начисто забыл, что вижу призрак.

– А ты разве не должна была, ну... исчезнуть, типа отойти в мир иной.

Я уже не плакал. Поднявшись с колен, я недоуменно смотрел на парящую над землей Фэйт.

– Ну, по идее должна. – Фэйт тоже была в полной растерянности.

– Может, я уйти должен? И тогда ты исчезнешь?

– Давай!

– Тогда, прощай, Фэйт! Я буду помнить тебя!

– Прощай, Энджи!

И я пошел прочь, но, сделав несколько шагов, услышал:

– Энджи! Я, кажется, не могу исчезнуть! Что-то тянет меня за тобой!

– Тогда, погоди! Я убегу подальше!

Крикнул я и побежал так быстро, как мог, но Фэйт крикнула.

– Стой! Меня все равно тащит за тобой!

Тогда меня осенило... Я решил проверить свою гипотезу. Ага, вот он, Жирный Брэд, из младшего класса. Я подбежал к нему и громко спросил:

– Брэд, видишь кого-нибудь рядом со мной?

– Нет. – Брэд был в полном недоумении. – С тобой все в порядке, Коллинз? Слушай, я соболезную...

Но я его уже не слушал и шел дальше в раздумьях. И тут мне все стало ясно.

– Фэйт, послушай. Скорее всего, это все из-за того долбаного желания, что ты загадала. Помнишь? Видимо «сила внутри меня» буквально исполнила его. И навечно привязала тебя ко мне.

Фэйт кивнула.

– Тогда... – задумалась Фэйт, – Я хочу перестать быть призраком и уйти в Рай.

Никакой реакции. Я был расстроен и счастлив одновременно. «Фэйт теперь всегда будет со мной» – эгоистично подумал я.

– Похоже, призраки не имеют право загадывать желания. Эй, Энджи!

– Что?

– Дерьмовая все-таки у тебя способность.

Фэйт никогда не ругалась. Похоже, она была очень расстроена...

– С этих пор она никогда меня не покидала. Если бы кто наблюдал за мной, то сдал бы непременно в психушку, как шизофреника. Она и сейчас рядом со мной. Вот здесь, слева. Вы не видите, а она здесь.

– Я вам верю. Здравствуйте, мисс Фэйт!

Мистер Ди изобразил подобие учтивого поклона. Фэйт рядом со мной прыснула от смеха.

– Ну что, эта история что-нибудь Вам прояснила? Открыла глаза? Может, Вашу решительность ослабила?

– Мистер Коллинз, Энджел. Это, без сомнения, самая печальная история подростковой любви, что я слышал, когда-либо. Очень впечатляет. Но то, что я хочу сделать – совершенно другое.

– Что вы, это далеко не вся история. Это только начало моего долгого, но весьма поучительного повествования. Были разные люди и разные желания. Я пытался противиться, но ничего не вышло. Были банальные желания, которые доставляли мелкие неприятности а были такие, которые полностью разрушали всю жизнь человеку. Имена всех этих жертв я помню наизусть. И если вы не торопитесь, мистер Ди, я поведаю Вам. Дайте срок, вы точно должны это знать, прежде чем...

– Ладно, рассказывайте. Прошу Вас. В конце концов, у нас уговор. И чтобы выполнить мое желание, я обязан выслушать ваши истории. Однако, помните, я все уже для себя сам решил и полностью готов. Так что рассказывайте Ваши байки. Но если вы надеетесь на то, что это что-то изменит, то глубоко заблуждаетесь.

– Ну что же, тогда, я думаю, разумно перейти в более удобное место. А то становится прохладно. Пойдемте в кафе, через дорогу. Это, кажется, единственное подобное заведение в этом городе, где ещё работают люди, а не машины. Думаю, там будет намного удобнее.

История вторая. Богатый неудачник

*«Кто-то пожелает стать богатым.
А богачи люди солидные и роскошные.
Они красивые снаружи, но пустые внутри..».*

Фэйт.

Его звали Гленн.

– Располагайтесь поудобнее, мистер Ди, нам еще многое предстоит вспомнить. – я вскинул руку, – Официантка! Можно сделать заказ?

К нам подошла довольно милая и опрятная, как и большинство официанток здешних мест, девушка.

– Что будете заказывать? – девушка приготовилась фиксировать.

– Мне кофе и сэндвич с яйцом. А вы что будете, мистер Ди? Я угощаю!

– Чашку горячего шоколада, если есть!

– Ожидайте, через 5 минут все принесут – сказала она и направилась в сторону кухни.

– Люблю такие места – простые и уютные. Это странно, но даже в самых роскошных ресторанах не чувствуешь такого уюта и спокойствия. Хотя, это всего лишь мое мнение. А вы как считаете, мистер Ди?

– Мне все равно где есть. Нет особого смысла. Пожалуйста, не будем тратить время на пустые разговоры. Продолжайте Ваш рассказ.

– И то верно. Итак, мы остановились на том, что я обзавелся подружкой-призраком. Ну так вот...

Итак, Фэйт находилась со мной все время. И, с одной стороны, это было приятно, а с другой она очень сильно изменилась. Была уже совсем не тем человеком, вернее, не человеком вовсе. При жизни она была очень скромная, верующая. Воспитывалась набожными родителями, как настоящая благочестивая девушка. Теперь она стала очень раздражительной, язвительной больше обычного и начала ругаться, как мама Жирного Брэда, у которой муж пьянствовал и безбожно изменял с каждой встречной женщиной.

Однажды я решился на один неблагоприятный, но, на мой взгляд, очень правильный поступок. Я логически подумал и сделал вывод, что если я покончу с собой, то Фэйт освободится и обретет покой. Я понимал, что люблю её и это необходимая жертва. Конечно, повернуть это было не так просто из-за постоянно маячащего и язвящего возле меня призрака. Но я и это продумал. Дело в том, что мы с призрачной Фэйт экспериментировали с расстоянием, на которое я могу от нее оторваться. Получилось ни много, ни мало, полмили. В принципе нормально. Недолго думая, я выбрал передозировку снотворного, как лучший способ, чтобы все закончить. И вот, как-то после универа я зашел в аптеку.

– Зачем тебе сюда? – спросила Фэйт.

– Нужно кое-что купить, мама попросила вчера вечером. Ее стало сердце беспокоить часто.

Главное, сохранять уверенное лицо.

– Но я ничего такого не помню... Опять врешь?

– Да, Господи, зачем мне врать, чтобы сходить в аптеку? Мама действительно попросила. А ты либо где-то бродила, либо просто не придавала значения, как ты всегда делаешь.

– Ладно-ладно, не ори. Возможно. – согласилась Фэйт – Не хватало мне еще и все запоминать, итак положение хреновое.

Хорошо, что призраки не умеют читать мысли.

– Хватит ругаться.

– Пошел ты. Тоже мне, благочестивец года.

Я изобразил растерянный вид и похлопал себя по карманам.

– Фэйт...

– Чё те?

– Не могла бы ты посмотреть кое-что снаружи?

– Что?

– Посмотри, нет ли там, поблизости моего кошелька? Я, кажется, выронил...

Я же говорил, все продумал. Пока шла учеба в колледже, Фэйт летала поблизости. После смерти учеба стала для нее смертельно скучной. Она то и дело отвлекала меня, корчила рожи и даже сдувать мои бумаги научилась. И когда понимала, что меня ничем не пронять, улетала и где-то бродила, пыталась пугать уединившиеся влюблённые парочки, которые обычно прятались где-нибудь под лестницей или на крыше. А я воспользовался этим, спрятал кошелек в карман, а в другом кармане проделал дырку. Благо, Фэйт только через стены могла проходить, но рентгеном не смотрела.

– Ну ты и лох. – возмутилась Фэйт. – Ну ладно, посмотрю...

Пока она ходила и искала, я купил пачку снотворного. Выйдя из аптеки, окликнул ее.

– Фэйт! Я нашел. Застрял в подкладе куртки.

– Я же сказала, лох и растяпа! – разозлилась Фэйт. – В наказание, я буду идти от тебя на максимальном расстоянии.

– Ладно, прости...

И действительно, всю дорогу до дома я шел один. Придя домой, я разделся, поел, постелил кровать. Я одел тот самый черный костюм и галстук. «Вот и похоронный саван» – усмехнулся я про себя. Достал таблетки из упаковки. Налил воды. Фэйт не было поблизости. «Наверное, так показывает свою обиду. Самое время для...»

– Ты что делаешь?

Я застыл, будто пораженный громом. Позади стояла Фэйт и гневно смотрела на меня. Вы никогда не видели злое привидение? Так вот, смотря на нее, я осознал, что у страха глаза очень большие... и красные.

– Я...

– Что ты мямлишь. Я ведь душой никогда не была, вроде. Ты что, с ума сошел?!

– Но так я освобожу тебя!

– Но так мы никогда не сможем встретиться! Призракам многое открывается по эту сторону. Поверь, самоубийцы заканчивают плохо не только в этом мире. Выкинь сейчас же эту хрень!

Видимо, забывшись, она по привычке попыталась выбить у меня из рук упаковку, но ее рука лишь прошла сквозь меня.

– Прости... Я просто думал...

– Меньше думать надо, дебил! Это вредно для здоровья! – она немного остыла. – Ты вот решил меня «освободить». Но меня ты спросил? Чего мне хочется? Подумал, как я себя буду чувствовать из-за вины, если ты откинешься? И кого я потом доставать буду?

– Но Фэйт, я тебя люблю. И... Это мое решение. Да и с таким даром... мой дар...

– Ох, послушайте-ка его! «Это мое решение». Уууу. – передразнила Фэйт, скорчив серьезную гримасу. – А мое решение, значит, уже роли не играет? Хороший же ты друг, однако! И что ты со своим даром носишься. Ты уже и забыл, когда им пользовался в последний раз. Знаешь, ты можешь и дальше себя жалеть, заливаясь слезами, укутавшись в сраное одеяло. Но если ты не перестанешь вести себя, как ущербный псих-одиночка, я больше никогда не буду с тобой разговаривать.

Эта фраза работает с детства.

– Ладно, прости меня за все.

Фэйт подлетела и изобразила, будто толкает меня кулачком в плечо. Лицо ее явно подобрело.

– Все нормально. Я с тобой. Я ведь этого хотела, пусть и не в таком виде. – с горькой улыбкой сказала она. – К тому же, призраком быть очень прикольно! Есть свои бонусы.

В этом она была права. Для меня Фэйт в ее нынешнем виде была очень хорошим разведчиком. На полмили вперед у меня всегда были глаза. Мы даже мешочек у инкассатора один раз зацепили. Фэйт еще и отвлекать умеет, если сосредоточится на этом. Да, это, конечно, плохо воровать, но жить на что-то было надо.

Прошло уже два года с физической смерти Фэйт. Похороны прошли «стрёмно», как она сама заметила. И вообще, если честно, я еле сдерживался, чтобы не засмеяться. Уж больно она много язвила по поводу своей смерти. Благо, что видеть ее могу только я. Родители ее сразу уехали, кажется, в Нью-Йорк. У них потом родится сын и еще одна дочь... Мой отец после их отъезда стал очень грустным и безжизненным. Почти все время смотрел в окно, а спустя год пытался встать, но упал и ударился виском об угол стола. Насмерть. Моей маме стало очень тяжело и одиноко. Я стал опасаться, что она случайно скажет, что хочет, чтобы он вернулся, и придется исполнить ее желание. Представив гипотетический зомби-апокалипсис, мы с Фэйт украли денег, чтобы оплатить матери переезд куда-нибудь подальше. Естественно, правду об источнике столь внушительной суммы я не сказал.

В общем, я уже привык к Фэйт. Мы с ней вместе жили, прямо как муж... и привидение, женское привидение, призрак жены. И у каждого из нас, как ни крути, была своя способность: у меня мой дар, а у нее возможность проходить сквозь стены. И вместе мы эволюционировали. Она научилась двигать предметы, как заядлый полтергейст, а я открыл в себе еще одну сторону своей способности. Мне как раз исполнилось восемнадцать лет. Случайно я услышал, как один парень говорил другому, что хочет изменять своей жене, но чтобы она об этом вообще никогда не узнала. Его желание было исполнено, но теперь я у меня перед глазами пронеслась вся жизнь того мужчины до и после момента, когда он это желание загадал. Я видел начало и развязку. Видел все последствия его выбора за несколько секунд в своем сознании. При этом я запомнил все детали увиденного. Джон, так его звали, всегда изменял своим девушкам. Женитьба ничего не поменяла. Он постоянно изменял своей жене с разными девушками. И я увидел, что теперь он буде это делать совершенно безнаказанно. Он ни разу не попадет своей жене. Но никто не говорил, что он не попадет мужу одной из своих любовниц. Никто не говорил, что закончит он свой позорный жизненный путь, полный сладострастных удовольствий, с проломленным виском.

После довольно трудного разговора с Фэйт, я почувствовал облегчение и перестал все время винить себя в ее смерти. «Дерьмо случается» – так прокомментировала Фэйт свою смерть. Действительно, случается...

В общем, я, как был в костюме, решил прогуляться по вечернему парку неподалеку. Стоит заметить, что город наш уже не был таким маленьким, построилось много домов со временем. Деревьев стало меньше, а людей больше. И я ждал, что как только закончу колледж, уеду в большой город. Все-равно здесь не было уже той чистоты и привлекательности, как и возможностей для самообразования и развития. С такими мыслями я шел по тропинке между еще нетронутых деревьев, как вдруг, совершенно случайно, услышал телефонный разговор:

– Что? Что он сказал? Д-да я его урою! – кричал грузный парень, афроамериканец с зачесанной набок челкой. – Как же я устал от в-выходок этого богатого ублюдка. Как я устал от всех зависеть! Знаешь, детка, я хочу б-быть вечно богатым! Не хочу никогда и ни в чем нуждаться!

– Вот черт! – воскликнула взявшаяся из ниоткуда Фэйт.

«Да будет так!». И в моем сознании пронеслась жизнь этого парня.

Итак, его звали Гленн.

Для таких как он, чьи предки были выходцами из Южной Африки, жизнь всегда была чем-то похожим на дерьмо. Гленн, рожденный в очень бедной семье, с детства бегал по улице и попрошайничал. Затем, когда ему стукнуло шестнадцать лет, стал курьером у местного наркодилера. В восемнадцать лет поднялся чуть выше обычной «шестерки». А в двадцать лет был единственным, кого не убили в загородном наркокартеле полицейские во время облавы. Все его деньги, при этом, остались в здании и поучаствовали в спонсировании местного полицейского отдела. После этого Гленн завязал с криминалом. Подействовало то, что он едва выжил и сбежал, что для него стало неким предзнаменованием.

Но даже после этого Гленн постоянно мечтал, что когда-нибудь сказочно разбогатеет и тогда будет по-настоящему крут. Но богатство все не появлялось, а кушать хотелось всегда. Поэтому он устроился на работу к только что приехавшему в город предпринимателю, владельцу сети автозаправочных станций, мистеру Грэхему. Платил он сносно, но, по сути своей, был жутким расистом. Ему нравилось, что Гленн работал на него усердно за гроши, как, в свое время, работали предки Гленна на плантации у его предков. «Сухой тишедушный старик! Представляет себя владельцем плантации!» – Гленн презирал его. Он никогда не забудет, КАК прошло его собеседование.

– Здравствуйте, мистер Грэхем! Я вам звонил по объявлению. По поводу управляющего?

Седовласый и широкоплечий мистер Грэхем сидел за большим дубовым столом в мягком кресле. По всему было видно, что Расмус Грэхем – человек старой закалки, который стал очень богат только потому, что на всех смотрел, как на мусор. Именно так он и смотрел тогда на Гленна – настороженно и важно, свысока. По всему его виду было件нятно, что он открыто презирает всех людей с темным цветом кожи. И вот, голос старика, словно гром среди ясного неба, басом спросил.

– Как тебя зовут, парень?

– Г-гленн, сэр!

– А чем ты раньше занимался, Гленн?

– Т-тем же самым, сэр! – оперативно соврал парень.

– Ты нервничаешь?

– Н-нет, я з-заикаюсь с детства. И это ус-силивается, когда я н-немного в-волнуюсь.

– Понятно. И кем ты хочешь работать у меня, парень?

– Управляющим, сэр! Вы же в объявлении н-написали...

Мистер Грэхем разразился громовым смехом и откинулся в кресле. Мощная рука его с грохотом опустилась на столешницу, и довольно быстро лицо его стало очень жестким и суровым. Как-будто он и не смеялся вовсе.

– И ты думаешь, что... – мистер Грэхем выкатил глаза из кустистых густых бровей – Жалкий нигер, вроде тебя, станет моим управляющим?

Гленн оторопел. «Да что себе позволяет этот трухан?! Да я работал в наркокартеле, да раньше я бы завалил его и забрал бабло» – пронеслись в голове мысли одна за другой. Но сказал он другое, помня о предзнаменовании.

– Я с-делаю все, чтобы д-доказать свою п-полезность – еще больше заикаясь, попытался уверить парня.

Уж что и усвоил Гленн от жизни, так это уроки смирения. Когда отец бил его деревянной крепкой палкой по спине, когда люди из враждебных картелей выбивали из него последнее дерьмо. Дерзость – это путь к слабости и смерти! Как-то раз он настойчиво попросил у своего босса, наркодилера по кличке «Вульф» ствол, чтобы защищаться... Так его не били еще ни разу в жизни. А когда закончили, «Вульф» затушил сигару об голову Гленна и сказал: «Смирение – это путь к успеху и крепкому здоровью» После этого, Гленн работал на «Вульфа» исправно еще два года. Но ствол так и не получил. Так что уроки смирения даром не прошли.

Мистер Грэхем одарил его удивленным взглядом с ничтожной, самой мелкой крупичей уважения

– Т-только хотелось бы п-поговорить о моей зарплате.

– О, а ты достаточно хваткий для мелкого уличного нигера. Хорошо, парень, покажи себя и будешь получать достойно.

И Грэхем не соврал – сначала, конечно, платил гроши. Даже на еду не хватало, но спать старик разрешал на террасе. Впрочем, до первой зарплаты, еду Гленну удавалось забирать у собаки. «Никто и не знает, насколько восхитительны объедки со стола богача» – думал, засыпая, сытый Гленн.

Под должностью «управляющего» старик Грэхем подразумевал работу швейцара, уборщика, посыльного и т. д. Единственное, что не просили делать Гленна – это готовить и мыть посуду на кухне. Для этого в доме работала миссис Кёртис, которая очень подозрительно наблюдала за Гленном с опаской, что он может что-нибудь стащить из дома или из её сумочки.

Вскоре Грэхем, к своему разочарованию, убедился в старании парня и стал платить намного больше. Он хоть и ненавидел все расы, кроме белой, но в то же время уважал усердную работу. Потому что сам когда-то не имел ни гроша и точно так же пробивался к успеху. Начиная простым работягой, а в итоге нашел первую нефтяную скважину в этом районе, когда город состоял еще из двух с половиной домов. Расмус Грэхем очень быстро стал успешным, женился. Переехал в большой мегаполис и стал управлять крупной компанией, связанной с разработкой новых технологий. И пока на работе было все в порядке, в семье были проблемы. Жена Расмуса, Элизабет, долго не могла забеременеть. Они потратили кучу сил, денег и времени на разные методики. И только когда Грэхему было уже под пятьдесят, а его жене под сорок, у них, наконец, родилась дочь Оливия. Элизабет Грэхем умерла при родах, а Расмус отошел от дел и вернулся в свой родной город, где и стал воспитывать и растить своего ребёнка.

Уже скоро Гленн мог и прокормиться, и одеться прилично. Но, тем не менее, Грэхем постоянно к нему придирался и всячески изводил. Например, заставлял перемывать и без того чистые окна, таскать и передвигать мебель туда-сюда, убирать каждую бумажку сразу же, как ее принесло ветром к его двору. И если Гленн с чем-то не справлялся, он орал на него, как будто на раба, только разве что кнута в руках не было.

Меж тем Гленн работал, не покладая рук, хоть его и выводил из себя работодатель. Надо сказать, что дом старика был достаточно богато обставлен. Золотые статуэтки, вазы, картины. Мистер Грэхем любил искусство и покупал только то, в чем разбирался, а не как другие – что угодно, лишь бы ради престижа. Гленн давно уже мог бы воровать и продавать некоторые мелкие вещи. Никто бы и не заметил, а выручить можно было целое состояние. Не то, чтобы он страдал излишней честью. Просто его бывший босс «Вульф» был очень хорошим учителем. Гленн всегда вспоминал ту историю. В отместку за уничижительное отношение к себе, он иногда прикармливал грамм-другой «кокса» и «толкал» в свободное время. Сначала брал совсем незначительно с партии, но один раз хватанул лишку и не заметил. Тот вечер был самым запоминающимся в его жизни. «Вульф» созвал всех на срочное совещание. Гленн никогда не забудет его лицо – спокойное и сухое, но глаза – глаза были полны гнева...

– Я расскажу вам притчу, братья...

«Вот черт». «Притча» – это любимая история «Вульфа», которую рассказывает он тогда, когда собирается убить вора и предателя. Как-то раз, случилось Гленну быть на встрече с партнёрами их картеля. Так ребята вздумали обокрасть их, наставили стволы, требовали и товар, и бабки. Тогда в первый раз он услышал притчу «Вульфа». А когда история подошла к концу, он резко выхватил стволы и всех положил.

– Итак, – продолжал босс – Жили как-то два еврея – Авраам и Исаак. Точно, как в Библии. Авраам только и занимался тем, что делал доски из тиса. Тис – очень крепкое дерево и доски получались, что надо. Он ничего не строил. Просто делал доски и складывал аккуратно

недалеко от дома. Исаак же был успешным скотоводом, имел большой сад. В общем, богат был. И вот, каждый день он вёл стадо овец мимо дома Авраама и обзывал его бездельником, ругал. Короче, всячески издевался. Говорил, что его доски бесполезны. А когда ничего не помогало, стал пробираться ночью, все портить – воду выливал на заготовки, ломал их топором. Так и повелось, днём Авраам делал доски, а ночью Исаак их расхреначивал. И так день за днём, Авраам делает доски из тиса, а Исаак хреначит, Авраам делает, Исаак хреначит. Авраам всё терпел, но однажды тис закончился. Осознав, что потерял единственное любимое дело в его жизни, он взял топор, пошёл к Исааку и порубил нахер весь его скот, уничтожил огород, изнасилвал его жену и дочь. И знаете что, Исаака он тоже порубил, мать его. На мелкие кусочки.

Обычно все молча слушали. Потому что голос его был очень спокойный, а взгляд – сжигающий все на свете непреодолимой яростью, наделённый первобытным злом. И никому не хотелось перебить и заявить, что из тиса делали луки и копья, но никак не доски. Никто ничего не говорил, не спрашивал в чем мораль, потому что надеялся выжить. Да и к тому времени, как «притча» заканчивалась, обычно это и не требовалось. Мёртвым мораль не интересна.

И вот, тогда он снова её рассказал. А потом вытащил ствол, вышел на улицу и пристрелил бездомного Рэя, который часто кормился с мусорного контейнера «Вульфа». А потом, когда все, облегчённые, и в духовном и в физическом смысле, ушли, он подошёл к Гленну и сказал, что знает, что это он воровал у него. Но наказание – это вечное угрызение совести за смерть невинного, который хоть и был уже бесполезен для общества, но все же был живым человеком. С тех пор, Гленн Дейвен больше не гадил там, где живёт.

Однако, и утешение в своей безрадостной работе на мистера Грэхема было – дочь мистера Грэхема Оливия. Это была очень красивая стройная блондинка с голубыми, словно глубокие озера, глазами. Она, словно кукла, постоянно хлопала своими длинными ресницами и надувала алые губки, как будто о чем-то задумавшись. Оливия часто уезжала на несколько дней с разными парнями на богатых тачках. Какое-то время она вела подобную жизнь, но затем она уехала и Гленн не видел её около двух лет. И когда дочь мистера Грэхема вернулась, что-то в ней поменялось и она перестала казаться тупой и наивной куклой. Она стала другой – в глазах появилось больше осмысленности, она часто читала, лежа на шезлонге возле бассейна, парни и подружки перестали к ней ездить. Она словно отрешилась от прошлой жизни. Все это Гленн замечал, но так и не понял, в чем причина такой разительной перемены.

И вот, когда он в третий раз процеживал бассейн во дворе дома, женский звонкий голосок неожиданно нарушил царившую тишину.

– Привет!

Гленн оглянулся и увидел ее. Нельзя было сказать, что с девушками ему особенно везло. Он от природы своей был предрасположен к полноте, был постоянно потный, да и лицо его не было особенно красивым. Плюс ко всему он еще и заикался. Представительницы женского пола еще со школьных времен предпочитали обходить его стороной. И тут такое дело – девушка сама к нему подошла. Да и кто! Оливия до этого относилась к нему, как к пустому месту. Только поди-принеси. В лучшем случае она называла его просто «чувак». А тут вдруг «привет», как ни в чем не бывало.

– П-привет.. – нерешительно промямлил Гленн.

«Издевается она надо мной, что ли?» – пронеслось у него в голове.

– Тебя ведь Гленн зовут, да?

– Д-да

– А я Оливия – дочь мистера Грэхема!

Как-будто Гленн этого не знал. Он не раз мастурбировал в туалете, вспоминая упругие формы Оливии в бикини, когда она загорала у бассейна.

– П-приятно п-познакомиться, – выдавил из себя он.

Она улыбалась ему. А он попытался улыбнуться ей.

– Что чит-таешь?

«Да, более глупого вопроса ты не мог придумать, дружок» – пронеслось у него в голове.

– «Процесс Элизабет Кри» Экройда, интересный такой триллер.

И тут парень понял, что незря в свое время читал книги в то время, как его одноклассники курили за школой и занимались беспорядочными половыми связями с одноклассницами.

– О, я знаю этот роман. Он д-действительно интересный и з-загадочный.

Оливия рассмеялась. «Ну вот, приняла тебя за идиота», – подумал Гленн.

– Прости, Гленни. Я просто никогда бы не подумала, что ты читаешь книги. В смысле, не то чтобы ты выглядел глупым и необразованным, просто ты всегда ходишь такой нелюдимый. Я даже тебя побаивалась немного, если честно.

Гленн не обиделся. Гораздо больше его удивило, что его кто-то назвал «Гленни».

– Я м-много читал в д-детстве. А еще смотрел много фильмов. А ты любишь к-кино?

Гленн сам не мог в это поверить, но нашлось много тем для разговора.. Оливия оказалась достаточно умной и начитанной девушкой. Оказалось, что у них много общего – они любят одну и ту же музыку, смотрят одни и те же фильмы, тоже оба любят гулять вечером под дождем.

– А ты довольно интересный! Я раньше считала тебя каким-то странным, что ли. Даже побаивалась поначалу.

– А ты г-говоришь прямо в лоб, – улыбнулся Гленн.

– Ну, это у меня от отца. Он всегда говорил, что лучше сразу сказать прямо, чем умалчивать до последнего и терпеть.

– С-согласен. Знаешь, я т-тоже думал, что ты ветреная. Р-раньше ты п-постоянно водила сюда много д-друзей. П-постоянно ходила на в-вечеринки.

– То была другая я, – поморщилась Оливия. – Тот образ жизни уже в прошлом, я была глупой и безответственной. Только поняла это очень поздно. За что поплатилась.

Глаза Оливии стали влажными, хоть она и улыбалась.

– Его звали Мигель. Мы встречались долгое время. Это был первый парень в моей жизни, которого я по-настоящему полюбила. Все было хорошо. Но потом... я забеременела. А он... просто бросил меня. Сказал, что это не его ребенок. А потом просто уехал из города. Представляешь?

Теперь уже Оливия содрогалась в рыданиях. История давалась ей очень тяжело.

– И нетрудно догадаться, как эту новость воспринял мой отец, – сквозь слезы, продолжала она. – Мой замечательный папаша-расист, который скорее всего умер бы, но не допустил рождение этого ребенка от какого-то латиноса.

И тут ее глаза стали пустыми, она уставилась в невидимую точку в пространстве, а голос её зазвучал отрешенно.

– Он оплатил аборт, который был сделан лучшими врачами, в лучших условиях. Я ненавидела его и много месяцев с ним не разговаривала. Так и не простила его, но врем многое лечит, а он все же мой отец.

Гленн не знал, что говорить в таких ситуациях. Уже чудом было то, что он вообще смог поддержать разговор с девушкой. А к такому его жизнь не готовила. Однако, он просто обнял ее.

– У т-тебя все б-будет хорошо, Лив. Ты д-добрая и красивая д-девушка. И т-ты мне больше нравишься т-такой.

Гленн не понимал, что вообще говорит и почему. Слова как-то сами слетали с языка, а руки поглаживали спинру Оливии. «Лив? Ты назвал её Лив? Ну ты и дурак» – пронеслось у него в голове.

Однако, Гленн зря беспокоился. Оливия, уставшая от неискренности и изменившаяся в лучшую сторону внезапно сама притянула его к себе и стала целовать. Гленн отвечал сна-

чала робко и неуверенно, а потом сам взял инициативу в свои руки. Мысли перестали путать в голове, руки двигались по инстинкту.

И вот так у неудавшегося гангстера, который даже с проституткой никогда не спал и у бывшей «королевы вечеринок» завязался роман. Пока мистер Грэхем искал к чему еще придраться, Гленн всю работу над удовольствием его дочери. Самое главное, это был не просто секс из жалости, чего Гленн боялся больше всего. Это была любовь, хоть и родившаяся в результате соперничества друг другу. И судьбе абсолютно неважно, кто мы, сколько у нас денег и готовы ли мы к этому. Это просто приходит и ставит тебя перед фактом.

Так прошел год. И за это время мистер Грэхем стал просто невыносим. Он заметил, что Гленн и Оливия часто общаются, один раз увидел их вместе. Но не стал устраивать скандалы или ловить их с поличным. Нет, Расмус Грэхем был выше этого. И увольнять так славно работавшего на него нигера он не хотел. А потому, решил действовать более хитро – изводил Гленна невозможными поручениями. Ждал, когда ему надоест постоянно чистить и без того до блеска отполированный бассейн, или когда достанет стоять целый день у ворот, якобы в ожидании каких-то гостей. Расмус Грэхем был очень изобретательным на пакости, а жизнь Гленна быстро стала напоминать «плохую комедию».

Однажды Грэхем придумал для Гленна очередное глупое и невыполнимое поручение.

– Так парень, слушай, тебе необходимо пойти вот по этому адресу. Там живет мистер Пиркинс. Он на днях занял у меня хорошую сумму денег, пойдешь к нему и верни эти деньги. Только без рукоприкладства. Ты у нас умный ниггер, так что договоришься.

Когда Гленн ушел, Расмус Грэхем едва сдерживал смех. «Посмотрю я, как этот черномазый сохранит свою задницу на месте». Старик так увлекся этой «игрой», что почувствовал, словно снова стал четырнадцатилетним сопляком, который часто всем пакостил и всех подставлял.

Когда Гленн подошел к чуть покосившемуся забору, невольная дрожь пошла по всему телу. Потому что старый, неухоженный дом мистера Пиркинса больше напоминал особняк с привидениями. Никакого звонка на двери не наблюдалось, поэтому Гленн решил постучать. Но не успел он это сделать, как услышал за спиной звук взвоящегося курка и мерзкий противный голос.

– Эй, черная задница, а ты дверь часом не попутал?

Гленн медленно обернулся и увидел прямо перед глазами дуло ружья, которое держал безобразный, худой старик в ковбойской шляпе. Лицо его было сморщенное, кожа словно натянута на череп. Однако, глаза были настолько живые и юркие, что создавалось ощущение, будто это тело кто-то позаимствовал, вселился. Прямо как в «Корпорации «Бессмертие», фантастическом романе, который Гленн читал в детстве.

– П-простите, – язык абсолютно не слушался. – П-просто мистер Грэхем попросил вернуть...

– Что? Грэхем? Что нужно этому скряге от меня? – Пиркинс еще ближе придвинул дуло ружья к лицу Гленна, еда не задевая кончик его носа. – Я с этим хером даже не разговаривал никогда. Он же у нас птица высокого полета, всех забыл и кинул, как стал большой шишкой!

И Гленн все понял.

– П-простите, возможно, я п-просто ошибся адресом.

– Ну это у ж точно! Ошибся. И если хочешь, чтобы я на месте не снес твою черную морду, давай-ка сюда деньги.

– Д-деньги?

– Ну да! – осклабился мистер Пиркинс. – За моральный, так сказать, ущерб!

Гленн очень медленно вытянул из кармана кошелек.

– А сколько?

Пиркинс одной рукой держа ружье, другой быстро выхватил кошелек из рук Гленна.

– Давай все, что есть. А теперь пшёл отсюда к чертовой матери. Чтобы я тебя больше здесь не видел, мать твою.

– Д-да, п-простите.

Гленн был в бешенстве. Даже «Вульф» так его никогда не подставлял. Он долго терпел. «Да ну, к черту эту работу. Свалим с Ливи и все!» – и с этими мыслями он позвонил своей уже любимой женщине.

– П-привет, детка! Слушай, я запарился. Твой п-папаша меня задолбал. Меня чуть не убили из-за того, что ему з-захотелось п-пошутить надо мной!

– Гленни, успокойся! Что случилось-то? Я ничего не понимаю. Кто тебя чуть не убил.

– Мистер П-пиркинс. Долгая история. П-при встрече расскажу. Но мне надоело исполнять п-прихоти этого расиста. Хочу тоже быть богатым и тоже на всех смотреть, как на д-дерьмо. Слушай, я тут подумал, д-давай просто уедем! У меня есть д-достаточно денег. Уедем п-подальше от этого старого маразматика!

– Эй, мы ведь о моем отце говорим! Да и к тому же, на сколько нам хватит твоих денег?

И так шел напряженный разговор, пока...

– П-погоди, детка, у меня звонок п-по д-другой линии. Я п-перезвоню... Алло.

– Мистер Дэйвен?

– Д-да!

– Вас беспокоит нотариальная компания «Стьюит корпорэйшен»!

– Д-да, чем могу помочь?

– Это не телефонный разговор, мы просим Вас приехать по адресу.

Вежливый голос назвал адрес и положил трубку.

– Д-детка, мне тут надо съездить кое-куда. Я вернусь, встретимся на нашем месте и п-поговорим.

– Давай! А во сколько?

– Где-то через час будь на нашей квартире.

В замешательстве, Гленн сразу отправился в назначенное место. И действительно, там располагалась нотариальная контора. Он зашел, нотариус сразу, с порога поприветствовал его и предложил сесть.

– Добрый день мистер Дэйвен. Скажите, вы знали свою бабушку по материнской линии, миссис Джейн Лоусон?

– Д-да, конечно... Она живет в...

– В общем, она умерла, – перебил его нотариус. – И в завещании оставила Вам кое-что.

Гленн был в замешательстве, но действительно, давно уже мать не получала писем от бабушки Джейн.

– Ч-что она оставила?

– Вот этот шкаф. – нотариус указал пальцем налево.

И действительно, там стоял черный большой шкаф, обычно в такой вешают платья или рубашки.

– В общем, распишитесь здесь и здесь. И забирайте ваше наследство.

– Д-дайте время, я найму м-машину! – попросил Гленн.

Через два часа «наследство» было доставлено в съемную однокомнатную квартирку, где уже полгода тайно проводили время друг с другом Гленн и Оливия, чтобы избежать любопытных глаз. И теперь двое влюбленных смотрели на черную громаду, занимавшую полкомнаты. Это был обычный гардеробный шкаф с замочком на дверце.

– И зачем тебе эта рухлядь? Продай его! – предложила Оливия.

– Нет, б-бабушка незря передала его мне. Это все, что от нее осталось. П-повешу туда свою одежду.

– Ну да, передала последнее, что осталось – улыбнулась девушка.

– Д-давай п-посмотрим, что там.

Он повернул маленький ключик и распахнул одновременно обе дверцы шкафа. Они не были готовы к этому. Остолбеневшие, парень и девушка стояли по колено в куче денег, которые только что вывалились на них из шкафа.

– Г-глenn, – теперь пришла пора заикаться Оливии.

– Так вот, что б-бабушка хотела мне п-передать... – задумчиво произнес парень. – Н-но откуда у н-нее столько д-денег.

– Я не знаю, зайчик. Давай пересчитаем сколько здесь. Да, и шкаф закрой.

Деньги считали около полчаса.

– Здесь ровно сто тысяч долларов! – радостно заключила Оливия.

– Ну вот, мы в-все сложили, давай п-положим пока обратно в шкаф. З-завтра я открою счет! – предложил Гленн. – Оливия, теперь нам хватит д-денег, чтобы свалить отсюда.

– Да, милый.

Гленн снова открыл дверь и деньги снова высыпались оттуда. Только теперь их стало намного больше.

– В чем д-дело? – поразился он. – Ливи, ты п-понимаешь, что происходит?

– Нет. Слушай, а кем была твоя бабушка? Колдуньей, что ли? Мы словно в сказке какой-то. А ну-ка закрой и снова открой.

Гленн сделал и случилось то же самое. Так Гленн и Оливия открыли уникальную способность завещанного бабушкой шкафа. До утра они пересчитали все деньги – оказалось ни много, ни мало, десять миллионов американских долларов. И это всего после пяти процедур открывания-закрывания.

Тогда Оливия, не раздумывая, согласилась уехать с Гленном, бросив отца. Мистер Грэхем был просто в ярости от того, что его дочь сбежала с каким-то нигером и умер от разрыва сердца, когда прочитал оставленную дочерью прощальную записку. Умер с таким же гордым видом, с каким и жил. Только глаза его с легким удивлением выкатились из-под густых бровей, как бы спрашивая: «И это все, что она написала мне? Скомканное «Прощай, но я люблю Гленна»? Так его и нашла служанка миссис Кёртис утром – сидящим в кресле и холодным как лед. Однако, прежде чем позвонить куда-либо, она надела резиновые перчатки для уборки и как следует пошарилась по карманам мистера Грэхема, забрав все наличные, какие смогла найти. Напоследок положив в сумку две антикварные статуэтки из чистого золота, Маргарет Кёртис взяла трубку и стала набирать телефон скорой помощи.

Между тем, Гленн с Оливией перебрались в Лос-Анджелес и прослыли самыми богатыми людьми на свете. Они вложились в очень много успешных проектов. Покупали всё и всех. Стали диктовать свои условия. Помнится, десять лет назад газеты просто пестрели заголовками про «неприлично богатого афроамериканца и его красавицу-жену». Мистер Дэйвен, как его теперь называли, стал известным филантропом, держал акции во многих компаниях, спонсировал кучу проектов и жертвовал неприлично большие суммы на благотворительность. Гленн стал сказочно богат, как и мечтал. Но стоит заметить, что богатство еще никого не делало истинно счастливым, никого не слелало лучше, чем он есть. В духовном плане, разумеется.

Так случилось с Гленном и Оливией. Понемногу, они пришли к выводу, что все в этом мире имеет цену. А если твои ресурсы безграничны, то ты король этого мира. Однако, с этим пришло и осознание того, что если у тебя все есть, то становится скучно жить. Сама Оливия из доброй и понимающей девушки превратилась в раздражительную и распушенную стерву, которой когда-то была. Она перестала видеть в своем муже то, за что его когда-то полюбила. Стала видеть лишь внешность, которая у Гленна была не ахти. Потому стала изменять ему с другими красивыми мужчинами. Гленн это знал и страшно злился от безысходности что либо сделать. Человек он был слабохарактерный, любил Оливию и боялся потерять навсегда. Постепенно забыл уроки смирения и обращался с другими, как с дерьмом. Он считал себя

самым главным, Королем Мира. Он возгордился. Шагал по головам и жил только ради увеличения своей прибыли. Не сосчитать, сколько людей лишились из-за него работы, а сколько – жизни. Он стал скупым параноиком. Окружил себя телохранителями. Больше всего на свете, он боялся, что умрет, и кто-нибудь заберет его СОКРОВИЩЕ себе.

А потому, потерял смысл жизни, даже от матери своей отрёкся. В результате, парадокс, но мать самого богатого человека на свете умерла от голода. И это было неважно для Гленна, он просто подделал документы и навсегда вычеркнул из списка свое родство с ней. Все, что для него имело смысл, это чудесный шкаф, источник его власти над миром, который влиял на него самого. По ночам он закрывался в своём кабинете и делал деньги – все открывал и закрывал шкаф. «Больше, больше денег!» – мысленно восклицал он, одержимый собственным влиянием. Ему нравилось его могущество и вседозволенность, деньги открывали для него любые двери. Всё было дозволено. Куча предприятий, дорогие машины, толпа красивых девушек, мечтавших оказаться в его постели. Он пользовался всеми этими «благами», но не наслаждался ими.. Ведь ничто не приносило ему большего удовольствия, чем осознание собственной важности и неуязвимости. Он любил запах купюр, их шелест и ощущение покалывания в пальцах, когда считал большие суммы. Оливия больше не привлекала его. Единственными чувствами, которые к ней остались, были ненависть и страх, что она раскроет его секрет, заберет у него все. Поэтому Гленн вкладывал большие суммы в разработку лабораторий, которые работали над всевозможными способами продления жизни. Он боялся умереть. Боялся, что все достанется этой неблагодарной стерве Оливии.

Когда ему исполнилось сорок лет, Гленн закатил невероятно масштабную вечеринку, пригласил всех друзей, голливудских звезд, самых известных людей в свой дворец из чистого золота.

– За «Царя Мидаса!» К чему бы он не прикоснулся – все превращает в золото! – раздавались тосты со всех сторон.

Но Гленн не был счастлив, ведь знал, что все они здесь из-за его богатства. «Они ждут, ждут моей смерти, чтобы заполучить мое сокровище. Они знают, все знают! Оливия не могла им не рассказать! Лицемеры! Жрут и пьют за мой счет! Собрались как гиены, думают, что я уже труп! Я не дам заполучить мой шкаф!» – думал он про себя и и сам сходил с ума от паранойи.

– Дорогой! – позвала его благоверная, – Помнишь, я тебя говорила про Джона Таунсенда. Вот, познакомься.

Гленн был вырван из собственных мыслей и сразу заозирался кругом. Как-будто ожидая опасности.

– Милый, с тобой все в порядке?

– А, Оливия, – успокоился Гленн. – А ты?

– Джон Таунсенд. – учтиво представился стоящий рядом молодой парень.

«Трахаетесь с ним, Ливи?»

– Ах, да, Таунсенд. Откуда ты, парень?

– Из Портленда.

– Из этого гадюшника? – усмехнулся Гленн, – И что ты здесь делаешь? Среди всей этой роскоши? Не чувствуешь себя чужим?

– Отнюдь, мистер Дэйвен, – неискренне улыбнулся Джон.

– Гленн, будь полюбезнее! Джон – довольно успешно ведет дела с некоторыми...

– Да мне плевать! – все обернулись на громкий выкрик Гленна.

– Но милый...

– Заткнись! Посмотри на нас! Мы боги здесь, живем во дворце из чистого золота. Управляем самыми ведущими отраслями промышленности. Владеем всеми ресурсами в этой стране. Купили здесь все. А тут какой-то колхозник из Портленда смеет со мной говорить?! Да все, кто здесь – рабы. Да, вы рабы. Я всех вас давно купил и все здесь мне должны. Без моих вложений

вы все полные ничтожества! Кто вы? А? Жрете нахалюву, набиваетесь в друзья. А сами только и ждете, чтобы все у меня забрать! А вот хрен вам!

Со всего зала стали слышаться недоуменные возгласы: «О чем это он?», «Что на него нашло?».

Оливия попыталась вмешаться и исправить ситуацию.

– Дорогой, мы все понимаем!

– Да пошли вы все! И ты пошла! Лицемерная двуличная шлюха! Или ты думаешь, я слепой? Спишь со всеми у меня за спиной. Эй, Джон, тебе нравится трахать мою жену? Вы как любите, спереди или сзади? Мне-то плевать, я уже давно забил. Но Джон, ты не думай, что с помощью неё сможешь разбогатеть! Это мои деньги, моя империя! У этой суки ничего своего нет!

А затем, он развернулся и ушел прочь, оставив всех в полнейшем недоумении и возмущении. Но довольно быстро все уже забыли об этом и веселились дальше.

Несколько часов спустя, Оливия и Джон шли в полутьме коридора и обсуждали то, что давно уже было задумано.

– Ты серьезно?

– Да, Джон, да! Это все шкаф! Забрать его и он станет никем! – подговаривала своего любовника подвыпившая Оливия. – Он стал невыносим. Он болен. Но я всю жизнь поддерживала его, была верна долгое время. Мне всего тридцать пять и я не собираюсь жить в нищете. Мы заберем этот шкаф, уедем! И будем вечно любить друг друга! Ты этого не хочешь?

– Да, да, как скажешь!

Молодому предпринимателю Джону Таундсену была противна эта женщина. Но от этого он ее еще больше хотел. Он не любил ее, но отдал бы все, чтобы трахаться с ней целую вечность и заодно богатеть. Да и в своем возрасте она была довольно соблазнительна. Но это была вторая причина. А первая – это, конечно, деньги. Он без сомнения готов был стать владельцем состояния.

– Ну, пойдем скорее. Он пошел к гостям. У нас есть минут двадцать.

– Не беспокойся, – Джон показал ей револьвер. – Если что, припугну его и вырублю!

– Давай, пошли уже, ковбой!

Оливия еще раньше сделала дубликат ключа от кабинета Гленна. Он всегда носил его на шее, поэтому пришлось очень аккуратно пробраться к нему, стащить ключ и сделать дубликат, пока он спал. И сегодня все должно решиться. Хватит с нее унижений, пора забрать все у этого выродка.

– Стойте, миссис. Мистер Дейвен приказал никого не пускать.

– Что? Да я его жена. И у нас срочное дело, нужно договор подписать, очень значимый!

ЕСЛИ СДЕЛКА СОРВЕТСЯ, САМ БУДЕШЬ ПОТОМ ОБЪЯСНЯТЬСЯ?

– Но его там нет.

– Он сказал подождать.

– Слушай, Оливия...

– Слушай, Квентин. Сходи, поешь, повеселись. К тому же, с тебя должок. – подмигнула ему Оливия.

– Ладно, но если что, сама ему объяснишь.

Джон снова почувствовал себя мерзко. Оливия была просто шлюхой. В этом Гленн был прав.

Открыв массивную дверь, они вошли. Ярко горел камин, посреди кабинета стоял дубовый стол и мягкое громоздкое кресло, совсем как в кабинете мистера Грэхема. А рядом стоял большой черный шкаф. Тот самый «волшебный» источник дохода.

– Пойдем, быстрее, – взяв Джона за руку, Оливия устремилась к заветному сокровищу. – Ты предупредил водителя, ведь так? Джон?

– Оливия!!!

Она обернулась. В двери стоял Гленн и гневно смотрел на нее, а напротив нее Джон.

– Ты что, сука, решила меня ограбить? – процедил сквозь зубы подвыпивший Гленн.

– Гленн, я... – Оливия смотрела то на Джона, то на Гленна, бессмысленно ища спасения.

– Молчи, мразь. Я все тебе дал. Все, что ты хотела. А ты, тварь, решила меня предать?

– Что? Да как ты смеешь меня так называть? Ты, жирное потное животное! Да если бы не твоя бабка, ты бы так и чистил сортир моему отцу. Ты стал пустым, Гленн! Тебе наплевать на все! И на меня! Что с тобой стало? Мне противно даже находиться рядом с то...

Ужасную речь Оливии прервал оглушительный хлопок. Гленн стоял с еще дымящимся пистолетом и улыбался.

– Получи, шлюха! Неблагодарная бл...

Еще хлопок, а потом еще выстрел и еще. Гленн упал.

Оливия посмотрела на свое роскошное платье, которое портило стремительно увеличивающееся красное пятно в области сердца. Она попыталась что-то сказать, но выдавила лишь нечленораздельное «Ннеееннаадааа...» и повалилась на роскошный ковёр.

А потом Гленн посмотрел на свой дорогой шикарный костюм, на пиджаке в некоторых местах появились три кровавые точки, которые, разрастаясь, сливались в один кровавый фон. После чего упал навзничь, прямо на пороге..

Джон убрал револьвер в карман, и перешагнув безжизненное тело Оливии, устремился к шкафу. «Дура, к черту ее. Меньше болтать надо!». В предвкушении роскошной жизни, он открыл дверцу...

Но ничего не было, была только паутина в углу и паучок на ней, который испуганно сжался от внезапного освещения. Джон открыл шкаф еще раз. Ничего. Еще. Ничего. И тут он услышал хлопающие звуки и глухой смех. Смех неприлично богатого афроамериканца, который продал свою душу за презренную бумагу, а теперь захлебывался собственной кровью.

– Т-ты ничего не получишь! Это моя м-мечта! И никто не посмеет ее забрать... Н-но я п-понимаю...

– Мечта? Какая мечта? – Таунсенд ринулся к телу Гленна, схватил за воротник и яростно тряс. – Где деньги, урод? Где ты их прячешь?

– Знаешь ли ты п-притчу? Жили были д-два... д-два еврея – Авраам и Исаак. Ну, з-знаешь, как в Б-б-б иблии...

Рука самого богатого человека на свете безвольно упала на окровавленный пол.

Разозлившись, Джон начал пинать шкаф, а потом снова резко открыл, стал ощупывать руками – вдруг где потайной отсек. Он стал переворачивать все в комнате, выкидывать книги из полок, простукивать стены. Но ничего не было. В отчаянии он снова открыл шкаф: один доллар, бесполезная бумажка, покрутясь в воздухе, упала на пол. Именно столько денег завалялось в шкафу старой бабки Джейн перед её кончиной. Джон закричал. Послышались сирены. Несколько человек топали, поднимаясь по ступенькам. Крики, звук бьющейся посуды. «Всем стоять, руки за голову!». Гленн был параноиком и не мог не поставить охранную сигнализацию.

«Сколько времени прошло? Кто вызвал полицию? Как они так быстро приехали?» – мысли вереницей пронеслись в голове молодого предпринимателя Джона Таунсенда.

Сэр, не двигайтесь, руки за голову!

Полицейский медленно двинулся к Джону, направивши на него «береттут». Джон отпрыгнул назад и оскалился, словно загнанный волк. А потом резко выпрыгнул в окно. Полицейский ничего не успел сделать. Он посмотрел вниз. Высота третьего этажа и сила притяжения сделали свое дело. Безжизненной и обмякшее тело Джона лежало на асфальте.

На мертвого мистера Таунседа повесили двойное убийство. Самое интересное, что никаких денег не нашли. Ни в сейфе, ни на счетах Гленна, ни под матрасом, ни в шкафу. Нашли только тот самый доллар, слегка помятый и порванный Джоном от злости...

– Ну, вполне ожидаемый финал, – заключил мистер Ди. – Еще никто не осчастливился за счет «легких денег». Так что мне его даже не жалко. Не желание его убило. А его собственная первобытная природа. Его жадность. Да и богатство никого еще не делало счастливым. Чем ты богаче, тем меньше в тебе души.

– Может, вы и правы, мистер Ди, может, вы и правы. Он жил, имея все, но не оставил после своей смерти ничего. Все его деньги просто испарились. То, что он вкладывал, исчезло со счетов. Он был неприлично богат, но умер все тем же нищим нигером, который лишь мечтал о богатстве.

– Конечно прав, дебил! – Фэйт выглядела раздраженной. – Тот нигер был просто падох на бабки. А из-за жадности своей даже родителей погубил. А ты еще что-то думаешь!

– Фэйт согласна с Вами.

– Не сомневаюсь, – не без доли скептицизма ответил мистер Ди.

– Ну что же, возможно, эта история и правда слишком банальна, но тогда, что вы скажете про следующую? Она о человеке, которым, по праву, мог гордиться Оскар Уайльд. Ведь он практически полностью повторил судьбу его персонажа.

История третья. Вечно молодой

«Бойся своих желаний..»

Оскар Уайльд.

Его звали Родриго.

Что же это за персонаж такой, мистер Коллинз? – с интересом спросил мистер Ди.

– О, один из самых противоречивых в английской литературе – Дориан Грей. Я своими руками воплотил это произведение в реальность.

– Неужто кто-то пожелал себе такой же портрет?

– Что вы! Не мыслите слишком банально! На деле все получилось гораздо проще. И так, эта история случилась уже через год после желания Гленна, который как раз только-только начал становится известным в Лос-Анджелесе.. Я это знал не только из газет и телевизора, но и просто из разговоров. На слуху у всех был самый богатый афроамериканец на свете. Я как раз только недавно закончил колледж, снова реквизировал денег.

– Украл?

– Реквизировал.

– Неважно, продолжайте...

Мы с Фэйт решили поехать и посмотреть на Большое Яблоко. Нью-Йорк оказался действительно огромным городом. В книгах, да и в фильмах невозможно было увидеть весь его масштаб. Но когда я оказался там... Когда я оказался там, я был просто поражен размахом его территории. Нам, выходцам из маленького городка, не бывавшим в больших мегаполисах, казалось, что это монстр среди всех городов. Высокие небоскребы, фешенебельные отели, роскошные супермаркеты и просто невообразимые пробки. Наверное, Нью-Йорк просто лидировал по количеству и продолжительности пробок. Путь из аэропорта до отеля занял довольно много времени. И оно казалось еще более долгим из-за постоянных язвительных замечаний неугомонного призрака рядом со мной.

Но вот мы приехали в один из самых фешенебельных отелей города. Бесспорно, это было самое роскошное место на Земле. Красивые золотистые колонны в вестибюле, блестящие стены, отражающие все и вся и, самое главное, милые и обходительные служащие. Я взял ключ от номера, поднялся, сбросил вещи. И тогда мне лучше бы было оставаться в номере в тот злополучный вечер. Но нет, желание погулять по вечернему мегаполису оказалось выше, чем мое обещание никогда никуда, кроме дома, не выходить. После того, как я увидел последствия желания Гленна, я сказал Фэйт, что буду теперь жить затворником, чтобы не причинить кому-либо несчастья. Та в ответ назвала меня «долбодятлом» и заявила, что я ничего так и не понял.

А теперь, в то время, как мозг мне кричал: «Что ты делаешь, чувак? Остановись!», ноги сами шли туда, куда указывали мои глаза. А они просто разбегались от ярких неоновых огней вечернего города. Я вышел из отеля и решил пройтись.

– Ну вот, конец затворничеству! – заключила торжественно Фэйт

– Заткнись! Я просто погуляю по улице и не буду прислушиваться к разговорам.

– Ну-ну. Удачи!

И я пошел в правую сторону от отеля и вертел головой с восхищенным взглядом, как обычно делают туристы. Тут все было так красиво. Чувствовал себя восьмилетним ребенком, которого в первый раз привезли в Диснейлэнд. Мозг просто взрывался от идей и мыслей, которые невозможно было воплотить в маленьком городке «Можно даже здесь остаться жить, найти работу, стать хорошим юристом...». Я шел и шел, и совсем потерял счет времени и чувство

пространства. Фэйт летела в отдалении, и именно ее возглас заставил меня очнуться от чудесного забытья.

– Энджи! Зачем ты зашел в эту глухомань?

– И действительно, я стоял в каком-то глухом переулке, куда едва пробивал свет уличных фонарей.

– Ну ты, как маленький, прямо! Куда ты нас завел?

– Задумался просто... – попробовал оправдаться я.

– Думать вредно для здоровья, долбокрой! Ладно, давай выбираться из этой клоаки. Я взлечу вверх, посмотрю...

И тут вмешалась судьба, не иначе.

– Мистер! Эй, мистер! Вы заблудились? – окликнул меня юношеский голос.

Я обернулся, передо мной стоял светловолосый парень в белой футболке и джинсах, лет шестнадцати и очень приятной наружности. Идеальное лицо с мужественным подбородком, среднего размера носом, благородными скулами и голубыми глазами. От таких в школьные времена мои одноклассницы сходили с ума.

– Какой красавчик! – восхитилась Фэйт.

– Мистер, здесь легко заблудиться. А выйти трудно, уж больно улицы извилистые. Давайте, я вас проведу!

Я решил, что помощь мне и в самом деле не помешает.

– Да, если тебе не трудно. Я буду очень признателен. Я заплачу.

– Хорошо, пойдете. Только денег не надо. Здесь по ночам опасно очень! Вы нездешний, да?

– Да, только приехал.

– Понятно, мистер?

– Коллинз.

– Мистер Коллинз. Вы здесь проездом или переехали навсегда?

– Ну, планирую остаться и пожить.

– Это хорошо. Хороший город, но шумный.

– Это точно! – улыбнулся я. – А как тебя зовут, парень?

– Родриго. Я живу тут неподалеку. Шел мимо, смотрю – вы стоите и, судя по вашему виду, абсолютно не понимаете, где находитесь. Вот и решил помочь! А кем вы работаете?

– Я... страховым агентом – соврал я.

Родриго, в отличие от Фэйт, ложь не распознал.

– Хорошая работа, прибыльная. И людям помогаете?

– Да, это точно.

Родриго помолчал, немного задумавшись о том, стоит ли задавать следующий вопрос.

– Скажите, мистер Коллинз. А вот вы, когда учились в школе, сами решали, какой у вас будет путь, чем хотите заниматься? Или родители Вам навязывали свое мнение?

– Нет, мои родители никогда не пытались навязать мне то, как жить и кем быть. Они были довольно милые и позитивные люди. Я решал сам, да и девушка моя мне помогала.

Я буквально спиной почувствовал холодный, пронзающий насквозь взгляд призрака «своей девушки».

– Девушки, значит. Это в какой Вселенной я ей была? – ехидно усмехнулась Фэйт.

Я не подал виду, а меж тем Родриго продолжал.

– Знаете, родители меня всегда ругают, что я безответственный, ленивый. Заставляют по дому убираться и все время недовольны.

– Ну, тебе только кажется, что они придираются. Ответственность, и даже уборка по дому – очень важные в жизни вещи.

– Да дело не только в этом, мистер Коллинз. Отец хочет, чтобы я стал тем, кем не хочу быть. Он все время твердит мне: «Сейчас ты еще молодой, сын. Ты жизни не знаешь! Но вот вырастешь, тогда поймешь!».

– Да они тебя пугают просто! Хотят, чтобы из тебя хороший человек вырос...

– Тогда я не понял, к чему ведет этот разговор. Не распознал симптомы будущего желания.

– Может быть, но знаете, я не хочу быть таким, как мои родители. И если старость – это причина подобного отношения к своим детям, то я хочу всегда оставаться молодым!

«Да будет так.». Я не успел бы все равно ничего сделать или сказать. И снова картинка чужой судьбы замелькала у меня перед глазами. И снова я словно оказался вне времени, пока перед моим взором проматывалась жизнь человека, начало и конец.

Итак, его звали Родриго.

Родри, как звали его друзья, на первый взгляд абсолютно ничем не отличался от своих сверстников. Высокий, узкоплечий, худой. Но с очень красивым лицом. Девочки в школе просто дрались за то, кто первая к нему подойдет. Когда он шел к своему шкафчику, они просто облепляли его со всех сторон, словно мухи, и кричали перебивая друг друга:

– Родриго, как дела?

– Родри, пойдешь на вечеринку Эндерсона?

– Дать тебе списать домашку?

– Родри, что ты делаешь после уроков?

Не то чтобы Родри этим не пользовался. Но страшно от этого внимания уставал. Да, красивым парням в этом смысле всегда очень тяжело. Поначалу-то все нормально чувствуешь себя «королем вечеринок» и альфа-самцом. Но потом это все приедается и начинает сильно мешать. А особенно трудно это становится тогда, когда ты по-настоящему влюбляешься. И у Родриго вне. Ее звали внезапно появилась такая любовь с первого взгляда. Звали её Вики. Отличница, член всевозможных интеллектуальных клубов, симпатичная девушка, которую никогда нельзя было увидеть на вечеринках. И она была одной из тех избранных красивых девушек в их школе, кто не западал на красивую внешность. В первый раз он увидел ее на презентации школьных проектов за первый семестр. Он был обескуражен. Стройная брюнетка с зелеными глазами, аккуратным носиком и изящными губами. Она казалась идеальной во всём.

– Эй, Стиви! – позвал он друга. – А кто эта красотка?

– А, эта? Да ботанка с параллели, Вики Уолтерс, кажется.

«Странно, – подумал Родри, – Никогда раньше не замечал ее. А я всех знаю!»

И тогда он решил к ней подойти, уверенный в своем безоговорочном успехе.

– Привет! Вики, да? Я слышал, ты просто гений, во всем преуспеваешь!

– Так хорошо слышал, что даже имени не запомнил? А ты у нас?

– Родриго, – удивился юноша. – Я думал, меня все уже здесь знают. Для друзей я просто Родри!

– Хорошо, просто Родри. Я не все, да и времени интересоваться глупостями у меня нет. Ты что-то хотел? Прости, я просто тороплюсь. Не всем дано получать оценки, просто мило улыбаясь.

Она его просто уела. Так дерзко с ним не разговаривала ни одна девушка в его жизни.

– Как ты умно говоришь...

– Слушай, просто Родри, не парься! Со мной все это не работает. Такие, как ты, не в моем вкусе.

– А какие в твоём?

– Умные и настоящие, – Вики одарила его такой улыбкой, за которую Родриго готов был все отдать в тот момент. – Пока, просто Родри!

– Пока...

Стоит ли говорить, что он явно не привык к такому обращению и был обескуражен. Но, при этом, Вики еще больше запала ему в душу. Родри просто заболел ей. Он захотел во что бы то ни стало поразить ее. Стал нормально учиться, перестал пить пиво с друзьями в переулках после школы, перестал курить травку, отшил всех девчонок и даже футбол стал пропускать. Все, включая тренера школьной команды, удивлялись и думали: «Кто она такая? Чтобы Сантильо да потерял голову от девчонки?»

Прошли каких-то два месяца, а уже никто не мог узнать прежнего Родри. Он отдалился от друзей, стал больше и лучше учиться. И ему очень нравилось получать оценки не за «красивые глаза». Он вступил в те же сообщества, что и Вики, чтобы видеть её каждый день. И то, что начиналось как просто попытка добиться девушки и вылечить свое уязвленное самолюбие, превратилось во что-то большее и лучшее. Наконец-то, он стал добиваться того, что ему действительно нравилось. Он вдруг понял, что никогда не хотел быть профессиональным игроком в регби, как того желал отец. И мистер Сантильо был крайне недоволен такими кардинальными изменениями в поведении сына. Друзья пытались его образумить, но все было бесполезно. Так что и они со временем отделились от абсолютно «не того» парня.

Не изменился Родриго только в одном. Как и в спорте, он был очень целеустремленным человеком в жизни. Теперь же у него была цель и он уверенно к ней шел.

Конечно, Вики не могла этого не заметить. Банально было видеть, когда Родри с друзьями издевался над местными заучками. Но вот когда он стал общаться и обедать с ними. При всех их умственных способностях, такого парадокса никто объяснить не мог. Это было странно для всей школы. И вот, после успешно представленного Родриго проекта по химии, Вики сама к нему подошла.

– Привет, просто Родри!

– А, Вики, привет! Тебе понравилось мое выступление? Мне нужно мнение самой умной девочки в школе!

– Ну, конечно много еще недочетов и спорных моментов... Но ты стараешься. Ты молодец!

– Спасибо! Знаешь, если бы кто-то пришел к прошлому мне, как в «Назад в будущее» и сказал, что я начну нормально учиться, и что это буде мне еще и нравится, я бы избил его и засунул в мусорное ведро. Но ты, сама того не ведая, изменила меня!

– А ты у нас еще тот романтик, Родри, – очаровательно улыбнулась Вики. – Таким ты мне нравишься больше.

– Есть с кого брать пример и к чему стремиться! – улыбнулся Родриго.

– Слушай, ты не устал от всех этих мероприятий и клубов. Может, нам пора развеяться?

– Ты приглашаешь меня свидание, мисс Уолтерс?

– Я лишь намекаю, мистер Сантильо. А ты уже делай выводы! Но я схожу с тобой обязательно!

– Тогда, приглашаю тебя в кино сегодня вечером.

– Вот так бы сразу!

А потом они оба рассмеялись и какое-то время еще просто болтали. А вечером пошли в кино на смешную комедию. А потом долго гуляли по вечернему парку и долго сидели в объятиях друг друга на скамейке.

– Знаешь, Родри, я тут подумала...

Он смотрел на нее и не мог налюбоваться. Сначала он просто хотел потешить свою гордость, наказать «девчонку» за отказ. Но чем больше он на нее смотрел, тем больше влюблялся: ее голос, манера речи, глаза, которые умно на него смотрели через аккуратные очки, ее привычка всегда потирать руки, как будто от холода, а на самом деле от волнения. Как сейчас, когда она хотела поделиться чем-то сокровенным. Ему вдруг захотелось взять её руки и согреть их.

– Что такое? – поинтересовался Родри.

– Ну вот, люди рождаются, вырастают, учатся, влюбляются. Самая интересная пора – молодость, юность. Когда ничего еще не надоело! Как же это здорово быть молодыми, как мы сейчас с тобой. Но потом люди женятся, стареют, все радости превращаются в нудную будничную рутину. Вот бы всегда быть молодыми!

«Она понимает меня! Насколько же мы с ней похожи!» Глубоко внутри, Родри просто ликовал о том, как же ему повезло.

– Да, это было бы здорово. Я тоже всегда так думал. Наивно и глупо, но мечтать не вредно.

Потом они вместе шли до ее дома. Попрощавшись и поцеловав Вики, Родриго бодрым шагом направился домой. Он готов был петь! Сердце его пыталось вырваться из груди и улететь к звездам. Так он дошел до дома.

– Родриго! – с порога встретил его отец. – Ты где шлялся? Уже двенадцать ночи! Почему на телефон не отвечал?

– Папа, прости, я... – Родри хотел поделиться своими ощущениями.

– Какой же ты безответственный! Хоть бы маму пожалел! Она извелась вся!

– Но я..

– Что «ты»? Все время одно и то же. Попросил сегодня прийти пораньше, помочь с ремонтом! Ты же вообще ни хрена не делаешь! Только вечно свои презентации да рефераты пишешь! Это ты сейчас молодой! Но как потом будешь, без нас? Кем станешь? Футбол забросил, всех нормальных людей от себя оттолкнул! И ради кого? Девчонки, с которой у тебя и будущего не будет! Как встретишь все трудности взрослой жизни?! Головой далеко не пробьешься сейчас! Ты балбес просто...

– Но я люблю её!

– Что? Любишь? Какие сейчас девушки? Мы еле концы с концами сводим! А ты все об удовольствиях думаешь! Девушки приходят и уходят, а у тебя конец школы, экзамены! Так что прекращай!

– Но она не все девушки. Это другой случай.

– Они все у тебя не такие. С кем бы ты там не встречался, все особенные. Ты же сам так всегда говорил.

– Но то было тогда, а сейчас...

– А сейчас это уже несмешно, сын!

И тут светлое ощущение счастья и радости сменилось в душе Родри на злость и нетерпимость.

– Ты никогда меня не понимал, папа! Ни ты, ни мама! Только сделай вам все, подай, принеси, занимайся тем, что вы хотите!! Я влюбился в первый раз в жизни, а вам все равно!!! Посмотрите на меня – я никогда еще не чувствовал подобного! Кем я был – просто ублюдком, который пользовался друзьями, девчонками. Но теперь я ведь изменился!

– Родри...

– Нет, ты меня теперь послушай! Я устал от нотаций! Устал от вашей излишней опеки! Хватит! Смотрю я на вас и думаю, если я буду таким в вашем возрасте, то я вообще не хочу до этого дожить. Хочу умереть молодым, чтобы не стать ворчливым старпёром, который изводит своих детей! – выпалил на одном дыхании Родри и ушел, громко хлопнув дверью.

Конечно, Родриго не мог понять, что родители всегда хотят видеть тебя лучше, чем ты есть. Даже если ты и так лучший. Он шел в раздумьях, пока не увидел странного незнакомца в черном костюме и причудливом полосатом галстуке с непонятным символом. Странности добавляло еще и то, что этот человек явно с кем-то разговаривал, хоть рядом никого и не было. «Как всегда, заблудившийся турист», – подумал Родриго. Он подошел и завел разговор. А затем провел его обратно до отеля, где тот остановился. Хоть родители и говорили еще в детстве не разговаривать с незнакомцами, но Родри был на них так зол, что все рассказал, как на духу, все свои чувства и переживания.

На следующее утро Родри проснулся и почувствовал себя необычно. Он пошел умываться и, рассматривая себя в зеркало, заметил, что исчезли недавние, так некстати вылезшие, два прыща. Само лицо стало очень гладким и мягким, как будто бы он каждый день по часу за ним ухаживал. «Наверное, так и должно быть» – заключил Родри.

За завтраком, папа с мамой подошли к Родри и извинились перед ним. Говорила в основном мать, отец никогда не извинялся за свои слова.

– Сынок, не думай, что нам не важны твои чувства. Любовь – это очень хорошо. Счастья тебе с твоей девушкой. Мы просто хотим, чтобы ты вырос достойным человеком.

– Это вы меня простите! Я вспылал.. Был на эмоциях просто. Я все сделаю, чтобы вы мною гордились. Я люблю вас, но пожалуйста, примите меня таким, какой я есть сейчас.

Примирившись с родителями, Родриго почувствовал полнейшее облегчение.

Итак, прошла школа, прошли экзамены. На выпускном вечере Родриго и Вики стали лучшей парой. Они никогда не расставались друг с другом. Вместе поступили в один университет на юристов, закончили его и поженились. К сожалению, на свадьбе был только отец, так как мама Родри год назад умерла от сердечного приступа.

– Я очень тобой горжусь, сын! Если бы мама была здесь, она бы гордилась! – обнимая сына, сказал мистер Сантильо, слегка отдавая спиртным.

После смерти жены, отец Родриго был убит горем и приложился к бутылке. Прежнего крепкого испанца Мигеля Сантильо было уже не узнать. Он совсем состарился, сгорбился и выглядел настолько жалко, насколько может человек, потерявший единственную любовь и смысл жизни. Тем не менее, от полного самоуничтожения его отделяло лишь нежелание расстраивать счастье сына. Отец Родри умер через полгода от цирроза печени. На похоронах Родриго плакал, понимая, что единственные самые важные люди, которые всегда могли его поддержать, исчезли из его жизни навсегда. Наверное, каждый, кто потерял родителей испытывает чувство невосполнимой пустоты в сердце. И именно это чувство заставляет их снова и снова приходить на кладбище и просто быть рядом с холодными могильными плитами, которые советом уже помочь не смогут. Но такие визиты – единственное, что помогает хоть как-то смягчить боль. И для Родри целый год посещать могилы родителей каждый день было как наркотик, ведь он чувствовал такое облегчение, просто находясь рядом.

Меж тем, жизнь продолжалась, и Родриго оправился от постигшего его горя. Не без помощи Вики конечно, которая, как могла, поддерживала его все это время. Хоть она и не могла прочувствовать всю боль его утраты, но осознавала насколько мужу было плохо.

Тем не менее, Родри и Вики продолжали жить счастливо, прямо как в сказке. Наслаждались каждый день любовью друг к другу. И даже не замечали никого, кроме них двоих.

Однако, жизнь не дает расслабляться ни на секунду. И стоит лишь забыться, подумать, что счастье будет длиться вечно. Испытания никак не заставят себя долго ждать. И произошло то самое событие, которое станет началом конца.

– Здравствуй, любимая! – Родри, как всегда, еще с порога поприветствовал жену.

Но она не вышла как обычно. Не поцеловала его. С тревогой в сердце Родри прошел в кухню – там ее не было. В гостиной тоже. Тогда он зашел в спальню – Вики лежала на широкой кровати, закрыв лицо руками. Она плакала.

– Дорогая, что стряслось...

Родриго присел на кровать и приобнял Вики.

Р-роодри, роодри, я была сегодня у гинеколога... – через слезы сказала жена. – Роодри, прости меня, он сказал... он сказал... я не могу иметь детей.

Вики плакала навзрыд. Она была безутешна.

– Ничего, мы что-нибудь придумаем. Сейчас ведь есть способы, – подбадривал ее Родриго.

На самом деле, что мы, собственно, можем знать о другом человеке, пусть даже он нам дорог и близок. Мы уверены, готовы поручиться за него. Защищаемся от всяких домыслов и слухов. Но как часто, люди, которых мы любим и в которых верим, предают нас? Можем ли мы знать, о чем он или она на самом деле думает в данный момент?

Если бы Вики тогда прочитала мысли Родри, то сильно бы удивилась. А скорее, ужаснулась. Потому что ее верный муж не был расстроен, а наоборот, думал, что это к лучшему.

«Дети – это символ неизбежной зрелости и старения. Именно когда становишься родителем, начинаешь тратить нервы, недосыпать. Я еще не готов к этому. Пока что дети будут только мешать» – такие страшные мысли роились в голове вечно молодого красавчика. Но сказал он другое:

– Милая, все будет хорошо... Бог все видит и обязательно сжалится над нами. Слышишь, он пошлет нам детей. Но нужно подождать. Нам нужно быть готовыми! Мы будем верить и произойдет чудо!

Слова утешения и веры были настолько полны лицемерия и обмана, будто змеи, наполненные смертельным ядом. Всем известно, что чудесные и долговечные отношения основываются на доверии друг к другу, но рассыпаются в прах при возникновении секретов и лжи. Родри, сам того не понимая, вселил в свою жену надежду.

Прошло время с того случая, Родри убедил Вики, что Бог все видит и обязательно сжалится над ними и пошлет детей, только когда посчитает их готовыми. И она на время стала такой же, как и раньше – беззаботной и счастливой. С той разницей лишь, что стала часто смотреть фильмы про детей, ходила в детские магазины, покупала детские вещи. Не приведи Господь никому испытать то же, что Вики, в которой муж посеял неубиваемую надежду на то, что все получится и будет хорошо, при этом сам в это не веря. Она все время готовилась к тому, что не сегодня-завтра увидит те самые заветные «две полоски» на тесте. Бедная женщина читала книги и журналы о беременности и воспитании детей.

Сначала Родриго не обращал внимание, но потом это стало его раздражать. Вики становилась ему противна. Он чувствовал себя неловко рядом с ней. Всячески старался избегать разговора о детях, но не получалось. Такое чувство, что тема о детях была гораздо важнее, чем он сам. Родри стал ревновать Вики к ее одержимости.

Но время неумолимо шло дальше. Когда Вики было под тридцать с лишним лет, а на лице появилась первая морщинка, Родри начал ей изменять. Он посещал бордели часто очень поздно приходил домой, ссылаясь на огромное количество работы. Он считал идеальным себя, любовался собой и думал, что изменяя, сохраняет свой брак. Был уверен, что проявляет милосердие к своей грустной жене. Время шло для всех кроме Родри. Старели его друзья и знакомые, из-за чего он просто отдалился от них и перестал общаться. Время шло для всех, кроме Родриго. Вики уже было сорок, она неизбежно старела. При этом все не оставляла попыток завести детей, тратя много денег на всяческие экспериментальные препараты и методики. Однако, все было тщетно, чему сам Родриго был скорее рад.

Родри стал задерживаться на работе, общаться больше с коллегами в адвокатской конторе. Он понимал, что все ещё остается все таким же молодым на вид, как был двадцать два года назад. Его лицо было гладким и свежим, а тело молодым и могучим. Не понимая в чем причина этого, Родриго стал одержим собой. Его любили все, а он любил только себя и осознавал, что Вики стареет и больше не привлекает его. Ему нужна такая же, как он сам – молодая и страстная. К ним в офис как раз устроилась новая секретарша по имени Аманда. Это была рыжеволосая девушка с большой грудью, кукольным личиком и наивным взглядом. Однажды Аманда засиделась на работе. Все уже разошлись, а Родриго, улучив момент, как-будто бы случайно задержался.

– Работа никак не отпускает?

Аманда быстро подняла глаза и заволновалась, увидев Родриго. Она так была занята делами, что и не заметила, что он все еще на работе.

– Мистер Сантильо, извините. Просто как-то увлеклась, много бумаг...

– За что ты извиняешься? И пожалуйста, не называй меня «мистер». Я Родриго. Для друзей просто Родри! – он одарил её безупречной лучезарной улыбкой.

Аманда давно уже присматривалась к боссу. Он ведь был такой красивый и молодой. Однако, девушка всегда удивлялась, почему он живет с такой старой женой. Неужели, из-за денег.

Да, сэр... – осеклась Аманда, – Родри. Решили задержаться?

Да, много бумаг, – соврал Родриго.

«Какая же она молодая и красивая!» – пронеслось в голове у него. «Как же я ее хочу. Как я соскучился по молодым девушкам. По тем, кто не заморачивается детьми, семьей и прочей дрянью. Почему я раньше ее не замечал? Столько времени потратил на одну, которая уже задолбала».

Аманда видела, как Родри буквально пожирает её глазами. Она вся напряглась в предвкушении и возбуждении, от чего соски её затвердели и стали проглядывать сквозь блузку.

Заметив это, Родриго, не думая, резко подошел к Аманде, прижал ее к столу и крепко поцеловал. Потом стал срывать одежду.

Она не сопротивлялась, наоборот была в восторге. Ведь она именно так все себе и представляла в фантазиях. Они долго любили друг друга прямо на столе, посреди бумаг. А потом поехали к Аманде и продолжили.

Уходя утром, Родриго сказал, что не прочь повторить.

Вики давно уже привыкла к тому, что Родриго часто задерживается на работе. Но в тот день он вообще не ночевал дома. Её полностью овладела паранойя, боязнь, что Родриго ей изменяет. Она стала следить за ним и в один прекрасный день увидела его с Амандой, мирно гуляющим среди бутиков в гипермаркете.

В тот же вечер, дожидаясь, пока он вернется, Вики заготовила целую речь. Она осознавала, что происходит, но из-за слепой любви и привязанности к Родриго не хотела в это верить.

– Родри, почему ты все время так сильно задерживаешься на работе? Ты же босс! И ладно, раньше просто задерживался, но теперь ты и ночуешь там! – начала тяжелый разговор Вики.

– Слушай, не начинай даже. Я ведь работаю, делаю все, чтобы мы ни в чем не нуждались, оплачиваю пропитание, жильё, одежду, твои напрасные попытки почувствовать себя мамой.

– Родри, почему ты так говоришь? Ты же сам говорил, что надо надеяться! Что Бог поможет!

– Но Бог не хочет помогать. А я устал от этого. Тебе уже сорок лет, а ты все надеешься на чудо. Какие тебе уже дети?!

– Но я думала, ты тоже хочешь...

– Уже не хочу. Знаешь, я устал. От этих постоянных твоих разговоров про отцовство, про детей, про усыновления и т. д.

– Значит, устал? – глаза Вики наполнились слезами. – А от секретарши своей? От этой шлюхи Аманды ты не устал, случайно.

И тут Родриго в первый раз в жизни поднял руку на женщину, к тому же, на свою жену. От звонкой пощёчины Вики только преисполнилась праведного гнева.

– Ты сама виновата. Не смей её так называть.

Перед ней стоял не её муж, а незнакомый молодой человек. Это уже не тот Родри, которого она знала. Его голубые глаза больше не излучали свет, но лишь холодную ненависть. Его лицо, гладкое и идеальное, словно бы искусственное, как у восковой куклы, не выражало при этом ни одной эмоции. Вики стало не по себе. Она не могла поверить в то, что когда-то влюбилась в этого мужчину.

– Ни слова больше, я все видела. Пока я здесь хожу, страдаю, мечтаю о наших будущих детях, ты кувыркаешься с этой... шлюхой? – Вики рыдала.

Родриго крепко ухватил её за плечи и, сильно сжав, стал трясти.

– Вики, очнись! У тебя паранойя. Мы просто... работаем вместе.

– Не ври мне сволочь! Да от тебя постоянно ее духами несет. Я видела, я знаю.

А потом уже Вики дала ему звонкую пощечину. Родриго оттолкнул её, схватился за своё идеальное лицо, которое украшало большое красное пятно на щеке. Родриго отдался во власть гнева.

– Ты что, с ума сошла? Совсем ошалела? Ты, старая стерва, задолбала меня своей одержимостью. «Родри, давай попробуем еще раз, вдруг получится...» Да меня воротит от тебя уже. У меня на тебя даже не встает ничего. Ты больная просто. Тебя вообще в психушку надо сдать! Нахера нам дети? Ты же и так уже старая!

– Нет... нет, как ты можешь так говорить...

– Да пошла ты, я вообще с тобой разведусь. Ты уже не та, что раньше, ты тянешь меня вниз! Посмотри на меня! Посмотри какой я, и какая ты?

– Зато теперь я поняла. Ты не изменился, всегда был собой. Просто умело играл свою роль. Правда, Родри? Люди не меняются. И, Боже, тебе ведь уже сорок, а ты все еще...

– Да, но об этом знаешь только ты. Я идеален. Бог дал мне этот дар! Я и есть бог! А вдруг я буду жить вечно?! Я не должен тратить себя на твою убогую старость! С меня хватит!

– Знаешь, Родриго. Все это время я наивно полагала, что ты действительно стал другим ради нашей любви.. Но сейчас я вижу того же самовлюбленного похотливого ублюдка, который подошел когда-то ко мне и пытался подкатить, понадеявшись на свою внешность! Но ты мусор, ненужный никому без своего красивого лица урод. Ты...

– Заткнись!!!

Родриго ринулся к ней, толкнул. Вики ударилась головой об стол. Родриго сел на нее и начал бить. Он бил и бил ее. Она пыталась закрываться руками, но Родриго был сильнее.

– Заткнись! Заткнись! – удар, еще удар, – Заткнись! Заткнись! Заткнись, подлая тварь... Как ты смеешь такое говорить мне... МНЕ!!! Я идеален! Это Я тебя выбрал! Я! Ты должна быть благодарна!

Там где было лицо Вики, теперь было кровавое месиво. А он все бил и бил. Вдруг новоиспеченный убийца взвыл от боли, осознав что сломал палец на руке.

– Родри! Что ты наделал? – Аманда стояла в дверях.

Десять минут назад она шла к Родри домой, чтобы заявить его жене об их отношениях. Она хотела, чтобы Вики оставила его и не тянула вниз за собой. «А потом мы с Родри уедем», – мысли, одна ярче другой, шли стройным ходом ее голове, выкладывая картинку светлого и беззаботного будущего.

Дверь оказалась незапертой. Изнутри слышались, крики, грохот. Чувствуя тревогу, она открыла дверь и ее взору предстал Родри, который в луже крови сидит на своей жены, которое больше нельзя было опознать по лицу.

– Родри, это... твоя жена? Это... Вики?

Ей нужно было тогда убежать, кричать, звать на помощь, но она стояла как вкопанная.

Родри, переселив боль, кинулся к столу. Схватив нож, он быстро подошел к Аманде. Она ничего не могла сделать, ничего не могла сказать. От шока подкашивались ноги. Нож еще и еще врезался в ее сердце, кромсая его на множество кусочков, мозаика из мыслей о будущем рушилась и угасала в глазах, исторгавших кровавые слезы.

– Ну вот, я ждал этого момента. Пожалуйста, познакомьтесь. Аманда, это Вики – моя жена и заноза в моей заднице, которая делает мою жизнь невыносимой. Вики, это Аманда, моя любовница, которая помогает мне забыть твое мерзкое, морщинистое лицо. Ну-ну, не ссорьтесь, девочки. Вы все красивые и я вас люблю. У меня идея! Раз уж мы все познакомились,

то давайте все станем жить, как большая дружная семья, а? Ну-ну, я настаиваю! Сейчас распечатаем шампанское и отпразднуем наше воссоединение! Дорогая, куда ты поставила бутылку с юбилея нашей свадьбы? Ну вот, ты опять себя ведешь, как испорченная сука! Какой же ты будешь матерью? Я бы тебе детей не доверил! Вот, и Аманда согласна!

Родри достал из буфета бокалы и шампанское. Взял штопор и аккуратно открыл бутылку.

– Ну вот, дамы, я вернулся. За что выпьем? Ах да, за воссоединение! Теперь мы семья! А это – самая важная вещь в жизни любого человека. Вики, а может мы с Амандой ребенка родим и тебе подарим? Ты же так об этом мечтала!

Родриго захохотал, опустошил бокал и опомнился. Только сейчас к нему пришло осознание того, что уже не исправить. Он в ужасе отшатнулся, испуганный и совершенно не понимающий, что ему теперь делать. Перед его взором лежали два безобразных и мерзких ему трупа. Родри начал кричать, крик его становился все громче и громче. Пока он не блеванул. Затем минут пять он сидел в собственной блевоте, обхватив руками голову, пока окончательно не пришел в себя. «Надо торопиться, полиция еще не приехала, но это только вопрос времени» – пронеслось у него в голове. Он резко встал, поскользнувшись на окровавленном полу, и пошел в ванную. Отмывшись от крови, переделся в чистый серый костюм и белую рубашку. Затем Родри открыл маленький сейф и забрал оттуда все деньги, что накопил. Напоследок, взял мобильный телефон и набрал номер единственного человека, который мог ему сейчас помочь. Человека, который может помочь исчезнуть любому, кто хорошо заплатит. Профессия адвоката имеет свои бонусы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.